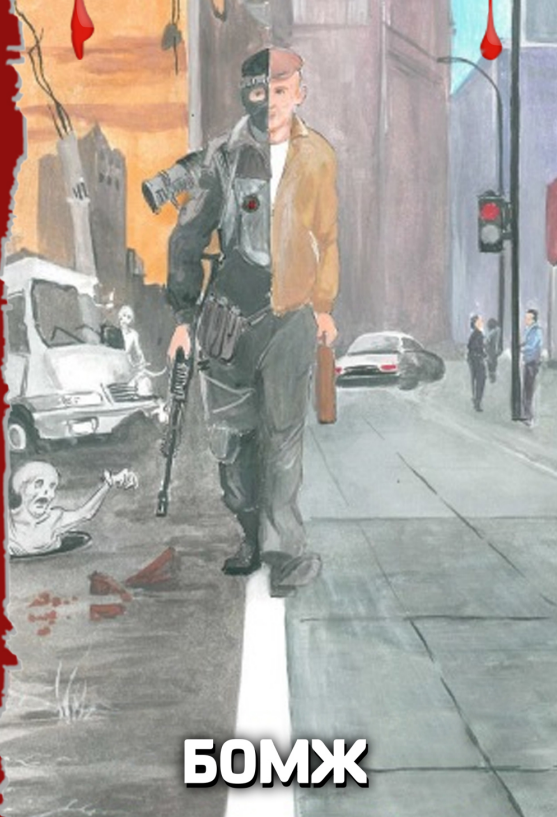

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

АЛЕКС ЛАВ

ИДДК

БОМЖ

Алекс Лав

S-T-I-K-S. БОМЖ

Серия «S-T-I-K-S»

Серия «Миры Артёма Каменистого»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65552582

Аннотация

Ты – простой человек, без особых задатков и возможностей, есть ли тебе место в страшном и опасном мире Стикса? Здесь все зависит от того, насколько ты готов бороться за свою жизнь, пусть ты и плохо стреляешь, да и здоровье не очень, а сильным мира сего очень хочется использовать тебя в своих целях. И все же у тебя есть преимущество перед остальными – ты не такой как все, у тебя единственного есть шанс выбраться из этого ужасного мира, откуда другим нет возврата. Нужно только найти способ воспользоваться этой уникальной возможностью и при этом очень постараться выжить. Как и везде, здешние обитатели помогают друг другу, пусть и не всегда из благородных побуждений, а лишь преследуя свои собственные цели, а они у всех схожие – пожить подольше и желательнее получше. Спутник, вроде бы даже друг, но и он себе на уме, интриги могущественных организаций, борьба местных банд за добычу и территорию и многочисленные хищные монстры, желающие тебя сожрать. Сумеет ли он дойти до конца?

Сможет ли остаться при этом нормальным человеком? Получится у него вырваться из этого Ада? Ответ вовсе не однозначен.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	46
Глава 4	57
Глава 5	67
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алекс Лав

S-T-I-K-S. БОМЖ

Глава 1

Жук

Бомжами не рождаются, ими становятся. И коснуться это может каждого: от тюрьмы и сумы не зарекайся – это неоспоримая правда, проверенная временем. Как я попал в этот презируемый всеми обычными людьми слой общества – распространяться не буду, банально и стыдно, товарищи. Живешь вот так, живешь, вроде, как и все остальные, вдруг бац! – и жизнь вместе с засранкой-судьбой поворачивается к тебе совсем не тем местом, каким бы хотелось. Виноват, что дошел до жизни такой. Естественно, сам: наивность в повседневной жизни, глупая вера в ближнего своего, особенно в особой противоположного пола, – короче, как и у многих других, которые теперь увлеченно копаются в мусорных ящиках идохнут пачками в холодные зимние ночи. Вроде же не совсем дурак: образование имеется ВУЗовское, происхождение – далеко не от сохи, даже некоторые успехи по карьерной лестнице намечались, но в один прекрасный момент все пошло прахом.

Если сказать, что глаза я продрал с трудом, то это будет слишком мягкое выражение. Левый вообще не хотел разлепляться: веки его будто клейстером смазали, хоть рукой помогай. Правый проморгался и мутная картинка, наконец, стала медленно поступать в мозг, со скрипом работавший. Вернее, в нем делало слабые попытки трудиться лишь то, что там от него еще оставалось. Башка трещала так, что казалось – еще немного, и она лопнет. Что за пойло я употребил вчера? Это даже не «паленка», а чистая отравка была. Нам, лицам без определенного места жительства, выбирать не приходится, не до жиру: пьем все, что сможем добыть, и жаловаться на качество вроде как грех. Но мы тоже живые люди (ну почти живые) и обидно даже нам, если вместо водки тебе подsunут чистый ацетон. Левый глаз после протирки грязной лапой тоже начал немного функционировать: картинка окружающего мира приобрела некое подобие стереоскопичности. Ничего нового я там не узрел: место для меня привычное, я тут давно кантуюсь, еще с зимы. Когда холодно было, так тут вообще был рай – тепло шло от горячих труб, теплоизоляцию на них еще до меня какой-то добрый человек расковырял. Сейчас на улице потеплело уже, но, как говорится, пар костей не ломит, да и по ночам не жарко. До настоящего лета еще целый месяц, так что пока терпимо. Дневной свет проникает вниз через неплотно пригнанные щели железного канализационного люка и его вполне достаточно, чтобы осмотреться. Соседи мои, с которыми я делю это убежище, отсутствуют:

похоже, давно уже выбрались наружу и свалили на промысел, Меня не разбудили, оставили одного. Я, конечно, их понимаю, на хрена им лишние конкуренты? Мусорные контейнеры не резиновые, сам бы поступил так же при случае. Башка трещит, спасу нет, может время помирать пришло? Радует только, что это не метанол был вчера, от него я бы вообще ничего сейчас не видел, а раз вижу (хоть и смутно), значит, что-то другое употребил. Странно только, вроде ж обычная водка и запах привычный, да и вкус давно знакомый, – это я точно помню. Кстати не один же я ее пил, соседи тоже усугубили не меньше меня, но они все на промысле давно, а я здесь валяюсь. Ничего пока не понимаю, но знаю одно: надо подниматься и топать – жратва сама ко мне не придет. Первая попытка вышла неудачной, смог подняться лишь на четвереньки – башка сильно закружилась и в глазах потемнело. Сел на жопу, посидел, отдышался и повторил. В этот раз уже более успешно. Попытка сдвинуть тяжеленный (в моем нынешнем положении) люк успеха не принесла, опять мутит и тянет блевать. Похмелиться мне надо и срочно, а то сдохну – к бабке не ходи. Героическими усилиями с третьего раза получилось сдвинуть крышку люка и спихнуть в сторону. Поднялся по ржавым скобам наверх, жмурясь от полуденного солнца, уселся прямо на кромку люка отдышаться и осмотреться. Я, конечно же, сейчас со страшной похмелюги, но еще чуть-чуть способен соображать; то, что вокруг меня все не совсем так, как должно быть, уловил тут же. Во-пер-

вых, отсутствовал привычный городской шум. Шум-то присутствовал, но был он совсем не таким, к которому я привык и обычно просто не замечал. Во-вторых, неподалеку, прямо на асфальте, валялся человек, немного необычно одетый, возле него не было ни гомонящей толпы зевак, ни машины «Скорой помощи», вообще никого. Только мужик и рюкзак у него за плечами, судя по всему, не пустой. Если присмотреться повнимательнее, то даже мне в нынешнем состоянии не трудно догадаться, что мужик этот оказался на асфальте, не споткнувшись на ровном месте, а звезданул с крыши рядом стоящего здания. Этажа так примерно с четвертого-пятого; похоже, после такого приземления рюкзак этот ему больше не потребуется. А там, скорее всего, находится много интересных вещей, может и похмелиться, чем найдется. Ему теперь без надобности, а мне надо здоровье поправить, причем срочно. Вообще-то я такими делами обычно не занимаюсь – мертвых или пьяных обирать. Про других собратьев по цеху не скажу, но сам пока что еще не дошел до такой острой стадии бомжевания, вот только здесь – случай особый.

Осмотрелся внимательно вокруг. Других претендентов на рюкзак поблизости вроде не видно, потихоньку двинулся к валявшемуся мужику. Стоп! А это что еще за фигня? Я в армии когда-то тоже служил, в боевых действиях поучаствовать пришлось, хоть и не долго. Не все еще успел позабыть. По крайней мере, звук пулемета разобрать могу, и что это

был не простой пулемет, а приличного калибра машинка – тоже. Стреляли довольно далеко, за несколько кварталов отсюда, но в необычно-тихом нынче городе звуки разносились довольно далеко. Потом взрыв: это или граната, или из подствольного пальнули; снова пулемет заработал. Война, что ли, началась? То-то я смотрю, людишек на улицах нет совсем, как вымерло все вокруг. Раз война, то рюкзак мне этот точно потребуется, хватать его и назад в теплопункт. Сразу издали не заметил, а рядом с мужиком автомат валяется – «калашников» укороченный, без приклада, с двумя магазинами, связанными изолентой. Мы в Чечне тоже так делали, чтобы быстро сменить опустевший. В бою все секунды решают. Упал мужик на спину прямо на рюкзак, – сука, если там бутылка была, то ей точно трандец, вот же невезуха. Хотя нет, поторопился я с выводами: у него же фляжка на поясе, причем металлическая и материей обернута, с виду целая. Снял, открутил пробку, почти полная, и по запаху там явно не компот. Отпил жадно большой глоток, ну бл... и говно! На вкус – смесь керосина и ракетного топлива. Хотел уже выплюнуть, но сдержался: альтернативы-то все равно нет, а мне и похуже что приходилось внутрь заливать. Надеюсь, выдержу. Твою мать! А ведь неплохо пошла «керосинка», голова прояснилась, похмелье тут же улетучилось, даже силы какие-никакие проклюнулись в организме. Добавил еще столько же и закрутил пробку. Война у нас. Мужики в камуфляже и с автоматами с крыш сигают. Надо экономить горючее.

Стал стаскивать с мужика заветный рюкзак – и в этот самый момент тот застонал. Я аж подскочил от неожиданности, живой что ли? Но это был совсем не конец утренним сюрпризам. Со спины, из-за ближайшей пятиэтажки, раздался звук, который мне тут же сильно не понравился. А то, что оттуда показалось, не понравилось мне еще больше. Три существа, бывшие в прошлой жизни людьми, (но в настоящий момент таковыми больше уже не являлись) быстро продвигались в моем направлении, урча как проголодавшиеся тигры. Размышлять над чудесами мироздания у меня времени не было. Левой я подхватил автомат, закинув его за спину на ремень, двумя руками схватил не вовремя очнувшегося мужика за лямки рюкзака и, пятясь назад, как рак, потащил его к своему убежищу. С такой ношей спринтерские скорости показывать трудно, хорошо хоть «зомбаки» тащились не быстрее нас с мужиком, да и до люка было совсем недалеко. Далеко-недалеко, но с меня успело сойти семь потов, пока я его доволок. В комплекте с рюкзаком тот в люк бы не протиснулся, пришлось снимать и терять драгоценное время, а твари приближались, победно урча. Первым вниз отправился освобожденный рюкзак, затем ногами вперед мужик; после полета с крыши такое падение, думаю, для него пустяк. Зомбаки уже совсем рядом; закинул в люк автомат и спустился сам, стоя ногами на скобах, подтащил люк и закрыл в тот момент, когда первая тварь уже почти наступила на него. Наступить-то она наступила, но люк был уже закрыт, а под-

нять его зомбаки не смогли, как я поначалу испугался. Топтались сверху, урчали, скребли крышку своими «граблями», но без толку – раздражали только своим шумом. Через некоторое время поутихли, но не ушли, слышно было, что стоят рядом с люком и один прямо на крышке, заблокировав мне единственный выход.

– Спасибо, что спас.

А, «парашютист», похоже, окончательно пришел в себя, даже заговорил, хотя по всем прикидкам давно уже должен был только с Господом Богом свои разговоры вести.

– Дай глотнуть «живчика».

– Чего?

– Флягу дай сюда, ту, что у меня спер.

– Я думал, ты сдох уже, потому и взял. На, держи, раз живой, свое добро, мне чужого не надо.

– Сам-то пил?

– Ну, отхлебнул немного, здоровье поправить, а то хрен бы я тебя дотащил и зомбаки тебя бы сейчас доедали.

– Ты все правильно сделал, я ж без претензий. Только много не пей, его принимать понемногу надо, а то поплохет. Ты читать умеешь?

– В школе когда-то учился.

– Там в рюкзаке, в боковом кармане, брошюрка одна лежит, специально приготовленная для таких как ты «свежаков»; достань и почитай – очень пригодится в обще-познавательных целях. Я отдохну и потом добавлю подробностей.

Там еще коробочка имеется, внутри шприцы. Достань один и дай сюда: укол мне надо сделать, чтобы быстрее процесс пошел.

– Что за хрень там снаружи происходит?

– Книжку почитай, сам все поймешь, а мне поспать надо.

Пока мой новый знакомый нагло дрыхнул, я занялся самообразованием, почерпнув из рекомендованной брошюрки много чего интересного. Читалось прямо как фантастический роман; честно признаться, я поначалу не особо поверил написанному в ней, затем стал сомневаться. Имелись у меня для этого аргументы: «парашютист», звезданувшийся с крыши пятиэтажки и переломавший себе все кости, тем не менее, при этом, не померший скоропостижно; да и еще несколько «аргументов», настырно топчущихся наверху. Таких стремных уродов просто так не изобразишь, тут сильно постараться надо, так что основания верить тексту, написанному в брошюре, были, однако, верить в такое как-то не хотелось. Брошюрка тоненькая, информация в ней изложена емко и кратко, без лишней воды и лирических отступлений. Если все, что в ней написано, – правда, то будущее меня ждет совсем не лучезарное.

Наконец-то незнакомец зашевелился, поднялся на локте, хлебнул своей гадости из фляжки, перевернулся на другой бок и снова засопел. А эти твари все топчутся там, с ноги на ногу переминаются и урчат противно, явно нас ждут, суки, когда полезем наверх. Противное до невозможности поило

у него во фляжке. В «писании» говорится, что делают его из некой дряни, доставаемой из тел этих уродов, и водки, смешивая между собой. Звучит ужасно, но за неимением другого, придется обходиться тем, что в наличии. Взял фляжку и пару глотков влил внутрь, а то тоскливо просто так сидеть, водка там водой разбавленная больше чем наполовину, вкус от этого вообще мерзкий. Ладно, хоть похмелье отпустило, башка больше не раскалывается, только теперь жрать захотелось до урчания в животе. Забрался в рюкзак, вытащил банку тушенки, хлеба не нашел, взрезал ножиком, что у него на поясе висел в ножнах. Не ножик, а целый кинжал. Сразу про Ивана Васильевича вспомнил из известного фильма, как тот кильку кинжалом нанизывал. Ложки не было, с ножа есть – плохая примета, пришлось пальцами. В брошюрке написано, что инфекция мне теперь не грозит, так что пофиг, что ни разу не мытые. Через несколько часов сосед проснулся окончательно, после традиционного прикладывания к фляжке протянул мне – «выпей».

– А покрепче ничего нет, а то эта твоя бурда аж желудок сводит?

– Не капризничай, тебе теперь эту «бурду» пожизненно пить придется, если удастся долго прожить.

– У тебя там в рюкзаке непочатая бутылка водки, дай, если не жалко, лучше ее глотну.

– Какой-то странный ты «свежак»; ладно, держи водку, только не увлекайся – это у меня для изготовления «живчи-

ка» припасено. Книжку прочитал?

– А там точно все по правде описано?

– Истинная правда, можешь мне поверить. Тебе точно «живчика» не нужно глотнуть? Голова не болит, не тошнит?

– После твоей водки совсем уже хорошо стало.

– Странно, ладно, будем посмотреть, как оно дальше с тобой будет.

– Сам-то как?

– Нормально, через пару дней буду как огурчик.

– Чего? С такими переломами тебе месяца два валяться, не факт еще, что все срастется, позвоночник-то точно сломан, ты ноги свои хоть чувствуешь?

– Хреново, смотрю, ты книжку мою читал, говорю же, что через два дня буду бегать, значит, так оно и будет; здесь тебе не Земля, это Стикс: тут такие травмы как у меня – не слишком большая проблема.

– И как ты с крыши-то навернулся, если такой опытный?

– Не повезло просто. Хотел на другой балкон перепрыгнуть, да и поскользнулся. В общем, если бы не ты, то мне точно хана была бы, а я такие вещи не забываю. Кстати, пора уже и процедуру инициализации провести для нового адепта нашей веселой церкви. Принять, так сказать, в наши ряды очередного мученика.

– Это еще что значит?

– Окрестить тебя требуется, по законам Стикса.

– Я к этим делам, знаешь ли, не очень.

– Да нет, к церковной вере я тебя приобщать не собираюсь, тут обычаи свои – имя тебе нужно новое принять, а старое забыть. Стикс требует, чтобы все старое осталось позади, включая прежнее имя. Ну, считается, что так вроде правильно; по крайней мере, все так поступают, так чего выделяться. А то, что Стикс к таким вещам не равнодушен, это – святая правда. Можешь не верить, твое дело. Здесь у нас все более-менее суеверные, в приметы разные верят, для этого есть определенные основания. Как тебя прежде звали, не спрашиваю, не интересно мне это, а звать тебя будут Бомжем, тут и думать долго не надо. Не обидно тебе такое новое имя? Как крестный, имею право назвать, как пожелаю, но учитывая обстоятельства нашего знакомства, хочу и твое мнение учесть.

– Да нормально, тем более я и есть самый настоящий бомж, в смысле, был в прошлой жизни, так что не парься на этот счет.

– Ну и хорошо. Меня, значит, Жуком кличут, так мой крестный нарек. Помыть бы тебя с мылом, а лучше с хлоркой, – воняешь, аж глаза слезятся.

– Ну, ты тоже розами не благоухаешь.

– Если бы не твой вонизм, пустыши (это те, что наверху) давно бы свалили подальше, а так как чуют твой запах, то хрен теперь куда уйдут. В принципе, ничего страшного, лишь бы только кто постарше к ним не подтянулся.

– Судя по манере изъясняться, ты случаем, раньше не по-

пом был?

– Не был, но представление о православной вере имею. Читал книги соответственные и беседы вел с разными интересными людьми. Подумывал уже было примкнуть, но оно вон как вышло; а в вере есть правильные мысли, потому как не все истинные намерения Господа извратили барыги от церкви – кое-что еще осталось. Только теперь об этом говорить поздно, здешняя жизнь к уединенным молитвам не располагает, успевай только стрелять и от ответки уворачиваться. Так и живем.

– Сколько ты здесь уже?

– Да почитай года полтора где-то будет. Многие здесь в команде работают, я рейдеров имею в виду. Считается что безопаснее, когда народу много и огневой мощи достаточно. Да и «броня» у многих имеется с «крупняком», от серьезных тварей с ними легче отбиться, как многие думают. А я вот предпочитаю самостоятельно пропитание добывать. Шуму от одиночки меньше, соответственно и внимания лишнего он не привлекает. Крупный калибр и броня хороши против середнячков, а ежели нарвешься на продвинутых, то не поможет тебе ни то, ни другое. Лучше действовать скрытно и незаметно: жемчуга не добудешь, зато дольше проживешь, – такая у меня концепция.

– Я вычитал, что Стикс этот «дар» какой-то выделяет практически всем желающим.

– Всем, да не всем; у некоторых дар вообще никакой не

проявляется, сколько гороха не съешь. Хотя отдельным личностям везет: такие «talанты» получают, что жить им становится гораздо веселее.

– А у тебя есть такой «талант»?

– Вообще-то о таких вещах у нас спрашивать не полагается – это вроде как верх бестактности, – но тебе скажу, раз ты мой крестник. Есть у меня «дар», как раз благодаря ему я и пошел в рейдеры-одиночки. Опасность я чувствую, и с какой стороны она меня поджидает. Подхожу, к примеру, к зданию какому и тут же чую, ждет меня там что неприятное или можно входить без опаски.

– Как же ты с таким «даром» с балкона навернулся?

– Говорил же, что не повезло: в квартиру зашел, а там внутри вся семья обратиться успела, их пять человек. Зажали – квартирка-то маленькая; самого шустрого завалил «клювом» (он в черепа так и остался), а сам на балкон. Эти в дверь ломаются за мной, хорошо хоть тупые и не сообразили по очереди лезть, застряли в дверях балконных. Я не стал их дожидаться и решил перебираться на соседний – там расстояние небольшое, только у меня рюкзак тяжелый и автомат в одной руке, через ограждение перелез, тянусь свободной рукой, а нога возьми и соскользни. Ну и полетел вниз, хряснулся так, аж дух вылетел, повезло хоть, что на рюкзак и не башкой вниз, а то крестить тебя было бы некому.

– Другой кто-нибудь нашелся.

– Это конечно, но я считаю, что тебе со мной повезло:

здесь добрых и хороших людей не так много.

– А ты добрый и хороший?

– Относительно, конечно. Попал бы к мурам – разницу сразу бы почувствовал. Да и случай с тобой вышел уникальный. Это ж надо, чтобы «свежак» при первой встрече местного от смерти верной спасал, обычно происходит как раз наоборот.

– Честно говоря, я тебя спасти не собирался, мне только рюкзак нужен был, а в нем мужик какой-то запутался, времени стаскивать не было совсем – зомбаки на подходе, вот и пришлось вас обоих тащить. Тем более ты, как выяснилось, еще и живой был, а русские своих не бросают – ну, зомбакам на съедение, это уж точно.

– Они не зомби, просто на них паразит по другому действует, они такие же бывшие люди (ну, или звери), только тупые вначале, жрут все, что мясом пахнет. Я это ихнее увлечение не осуждаю, вхожу с пониманием в положение: им же энергия требуется, чтобы не сдохнуть и развиваться. Они просто кушать хотят и существуют на уровне примитивных инстинктов. Какие бы ни были, все равно все они божьи твари.

– Вряд ли божьи, этот персонаж где-то в прошлой жизни остался.

– Я так мыслю, что Стикс – это тоже типа живое существо или даже божественная сущность, а мы здесь живем как паразиты на его теле. Что-то типа блох на собаке, пока ползаем

и не кусаем, псина терпит, а как только куснем, да не успеем вовремя свалить, она источник раздражения тут же резко выгрызает. Кластеры – это как бы ее клетки, а перезагрузки – обновление для этих клеток.

– Да ты, блин, философ; у тебя с «крышей» все в порядке?

– Если ты имеешь в виду все ли у меня нормально с головой, то за это можешь быть спокоен: ментат в стабе регулярно проверяет ее на профпригодность. Это просто гипотезы мои, размышления о сущности здешнего мира и его строения. Законы пространства-времени везде суть одинаковы и всему есть научное или, в крайнем случае, метафизическое объяснение.

– Это все очень интересно, но давай лучше о насущном хлебе подумаем. На твоих запасах мы долго не протянем, а наверху несколько тварей выход блокируют. Ты еще долго не встанешь?

– Вот заладил, я ж говорю – через пару дней приду в норму. Попадем в стаб – к лекарю придется сходить, пусть все поправит как надо, а до той поры и так сойдет.

– А «дар» этот у меня тоже теперь есть?

– Прыткий ты больно; дня не прошло, как ты здесь, а уже дар ему подавай. Может и есть, только всю правду про него тебе лишь ментат скажет, опять же, в стабе, а до него еще добраться нужно. Да и заплатить придется немало, а у тебя, я так думаю, с местной валютой пока что туго.

– Ты имеешь в виду эту хрень, что из зомбаков достают?

– Ее родимую, только не из простых тварей, что наверху торчат, у них ее нет, потому их пустышами и кличут, а из развитых, тех, что успели подальше продвинуться по эволюционной лестнице. Только это не для нас с тобой. С нашим вооружением можно только пустышей валить в целях самообороны, а продвинутые нас сожрут и не подавятся.

– И что нам делать?

– Я, например, добываю всякие полезные вещи, что в стабе цену имеют, и меняю на спораны и горох. Патроны, приборы разные, диски с записями фильмов, если свежие, то неплохо идут, ну и все такое-всякое. А с руберами пусть кто-нибудь другой воюет, у кого силенок поболее будет.

– Я смотрю дядя, ты по жизни от меня недалеко ушел, такой же бомжара-собиратель, только местного разлива.

– Обидеть норовишь? Но в чем-то ты прав, однако, определенное сходство присутствует. Живчика хлебнешь? Я, если что, еще сделаю, бутылка водки в запасе имеется, вот ведь, не разбилась при падении, везет мне последнее время, а это значит, что Улей мне благоволит.

– Дай лучше водки хлебнуть.

Жук опять пристально на меня взглянул, ничего при этом не сказав, но мысль в голове затаил какую-то свою, отложив выводы на потом.

– Хватит, оставь для живчика, и вообще – давай завязывай с бухлом вне стаба, а то ты долго здесь не протянешь. Смотри – этот кластер где-то дней через пять уйдет на пе-

резагрузку, плюс-минус сутки, это значит, что через четыре дня нас здесь быть не должно. Два дня мне на отлежку, день – пошарить в округе на предмет ценных вещичек, день, чтобы уйти за границу кластера, до нее примерно километров десять, если по прямой, должны успеть. В городе сейчас опасных тварей быть не должно, все, что могли, уже сожрали, и делать им здесь больше нечего.

– А те, что над люком топчутся, не в счет?

– Эти вообще не проблема, если через два дня от голоду не свалятся или не уйдут на поиски другой еды, то ослабеют сильно, справимся легко. Так вот, развитых мы вряд ли встретим, так что уйдем спокойно. Хотя, в здешних местах ни в чем нельзя быть уверенным заранее, может произойти все что угодно, но шансы по моему опыту у нас неплохие. А теперь о неприятном: имею сильное желание облегчиться, а «утки» у тебя, скорее всего, в наличии не имеется, шевелиться мне пока что нельзя, давай думай, как выйти из положения.

* * *

Через двое суток «сидения», Жук, как и обещал, поднялся с лежанки и попробовал немного пройтись, болезненно при этом морщась. Видно было, что совсем еще не «огурчик», но, тем не менее, по земным меркам чудо выздоровления налицо.

– Немного переоценил я свои возможности, но двигаться потихоньку смогу, однако основную работу – я имею в виду физическую – придется тебе на себя взвалить, за мной – устное руководство.

– Нормально ты устроился! Ладно, я ж не в претензии, сюда дотащил и дальше донесу. С чего начнем «господин научный руководитель»?

– Эти, слышу, все еще там? Вот с них и начнем.

Следуя инструкциям наставника, Бомж взял автомат, дослал патрон и перевел на одиночный режим стрельбы. После первого же выстрела ствол непременно сместится в сторону: второй выстрел получится мимо дренажного отверстия в крышке люка; пуля, отскочив от толстого железа, может наделать нехороших дел внутри. Постучал стволом в крышку, привлекая шумом зомбаков, те отреагировали немедленно, но тут Бомж от неожиданности отпрянул в бок и присел, чуть не обделавшись, причем уже без «утки». Через отверстие, которое он приготовился использовать для стрельбы, прямо на него уставился белесый, почти без зрачка, глаз мертвяка. Урчание усилилось и исходило оно не только из одной его глотки.

– Стреляй быстрее, чего тянешь!

– Куда стрелять? Там зомбак на меня глазом смотрит.

– Вот в глаз и стреляй!

Пересилив отвращение, бомжу, по идее, не характерное, тот приложил ствол автомата к отверстию, постаравшись по-

точнее совместить их и не угодить в край, нажал на спуск. Бабахнуло так, что в замкнутом пространстве он почти оглох и не слышал, как тяжелое тело свалилось на крышку люка снаружи. Но когда в отверстие начала просачиваться вниз тягучая темная жидкость и капать ему на лицо, ощутить на нем эту мерзость слух не требовался. Отпрыгнул, лихорадочно стирая кровь зомбака с лица рукавом, его тут же вытошнило, еле успел отвернуть в угол и упасть на колени.

– Амбре здесь дальше испортить вряд ли получится, зато теперь имеется полный набор ароматных ингредиентов.

Слух, кажись, возвращается, и это не может не радовать, а то, как же иначе Бомж сможет в полной мере ощущать руководящую роль Жучары? Судя по объему вытекшей «технической» жидкости, стрельнул он удачно, сразив мертвяка наповал, вот только как теперь тело, которое там распласталось, с крышки скovyрнуть? Попробовал приподнять, поднатужился, но куда там.

– Не суетись, нам скоро помогут.

– Ты чего, бредишь?

– Слушай лучше.

Действительно, слух уже практически пришел в норму, сверху было хорошо слышно характерное чавканье с редкими перерывами на урчание.

– Обычно твари себе подобных в качестве пищи не сильно уважают, это как для нас – подметку от старого ботинка жевать. Только вот, похоже, пустыши сильно изголодались за

это время, им теперь все равно кого жрать: тебя или собрата своего. Скоро дождут – и путь свободен. Только не стреляй снаружи в остальных – другие набегут, по-тихому придется их успокоить. Придумай сам как.

У одного из моих бывших «соседей по палате» имелись припрятанные обрезки арматуры. Он без них на промысел не выходил, брал с собой, как оружие для самообороны. Покопавшись рядом с местом его лежки, нащупал одну арматуру, прихватил с собой. Дождавшись, когда звуки чавканья снизили интенсивность до приемлемого уровня, решил, что пора. Автомат отдал лежебоке на случай своей неудачи и поспешного ретирования на исходную, только бы меня случайно не пристрелил. Крышка поддалась: приподнялась гораздо легче. Зашуршал обглоданный костяк, скатываясь в сторону, тут же из-за кромки люка нарисовалась страшная, вся в свежей крови, рожа мертвяка. Получив по соплям тяжелой арматуриной, зомбак немного поумерил наступательный пыл, дал мне пару секунд, чтобы выбраться наружу и тут же отпрыгнуть назад, уворачиваясь от второго претендента на мою тушку. Если бы они могли двигаться с такой же скоростью, как и я, то пришлось бы мне туго. Никаких особых собственных силенок я не имел и никакой спецподготовкой не обладал. Потому раздал каждому по роже арматурой, насколько смог сильно, и двигался, стараясь держать тех на расстоянии, быстро маневрируя. Надо рисковать, пора заканчивать сражение, боец из меня никакой, здоровье без-

возвратно потеряно, долго мне в таком темпе не протянуть. Подпустил одного поближе и, перехватив арматуру наподобие копья, саданул тому в рожу, целясь в глаз. Промахнулся, попав в лоб, а тому хоть бы хны, боли вообще не чувствует. Пришлось отскочить и повторить. В этот раз получилось гораздо удачнее, конец ржавой арматурины глубоко вошел в глаз, зомбак тут же обмяк и повалился вперед ничком, я еле отпрыгнуть успел. Пока этот дергался в агонии, второй продолжил его дело – упорно наступал, стараясь добраться до желаемой пищи. Оружие мое осталось торчать в черепе первого зомбака, пришлось бегать кругами, стараясь зацепить глазом что-нибудь подходящее. Подхваченный с земли кусок кирпича и запущенный в оппонента лишь вскользь прошелся по краю его черепушки, особого вреда не причинив. Сил бегать уже почти не оставалось, пора заканчивать показательные выступления, пот с меня уже градом катит. Места-то знакомые, не один раз пройденные, давай думай быстрее. Забежал на мусорную площадку, там контейнеры на колесиках импортные, тварь за мной, схватил один контейнер за край из последних сил и покатил под уклон, быстро ускоряясь, прямо на зомбака. Вот же, тварь безмозглая, шагни в сторону – и все мои труды напрасны. Нет же, стоит, ждет и радуется, что мясо само ему в руки идет. Край контейнера с силой ударил зомбака (в прошлой жизни, наверное, красивой девчонкой был, хотя сейчас в это трудно поверить) в живот и придавил к противоположной бетонной

стене мусорной площадки. Бывшая «леди» тянула ко мне руки со скрюченными, давно лишенными маникюра пальцами с начавшими уже отрастать когтями и злобно урчала не по-женски. Тяжелый контейнер пришпилил ее хорошо: выберется не скоро. Я постоял немного, восстанавливая силы и выравнивая дыхание, затем стал искать глазами подходящий для этого случая предмет. Обломок бетонного поребрика лежал неподалеку: как раз то, что доктор прописал. Схватил поудобнее, подошел сбоку и принялся методично обрабатывать начавшую уже терять былую прическу голову. На эту не слишком приятную процедуру ушли последние силы; когда бывший представитель рода человеческого, наконец, успокоился, обдав меня напоследок кровавыми брызгами из расколотой башки, я опустился прямо на асфальт и уселся там, прислонившись спиной к контейнеру.

– С боевым крещением тебя, крестничек, ну как ощущения?

– Погано.

– Ничего, привыкнешь. Все привыкают, кто лапы раньше времени не склеил. Ладно, двигать нам отсюда надо, пока следующие претенденты не набежали, здесь с этим не заржавеет.

К удивлению Бомжа Жук бодренько так приподнялся с лежака, подхватил свой автомат с рюкзаком и полез наверх.

– Так ты, сука, прикидывался болезным что ли? И на фи-га?

– Не бузи, все я правильно сделал. Путь у нас впереди долгий и опасный, мне совсем не нужно, чтобы в самый неожиданный момент ты скуксился и не смог вовремя зараженному башку пробить. Теперь сможешь: «вводный курс молодого бойца», считай, прошел и не должен вроде растеряться в трудную минуту. Давай по глоточку и в путь, тебе нормального или опять водки? Расстраиваешь ты меня.

– Тут магазин неподалеку, можно там пошарить и хавчика в дорогу прихватить, а то у нас голяк полный – почти все сожрали, пока сидели.

– Это можно.

– Продавщица там Таисья была, тетка добрая, нам часто просрочку отдавала, другие перепакуют и снова в продажу, а эта такими делами не занималась, ... наверное... по крайней мере, перепадало нашему брату понемногу.

– С дверями там как? Можно залезть или ломать придется? Ломать – нашуметь можем, а нам лучше по-тихому все повернуть, с одним автоматом много не навоюешь.

– Не знаю, когда раньше подходили, там всегда открыто было.

Вдоль стеночки, стараясь не отвечивать и не наступать на всякие гремящие и шуршащие предметы, перебегая от подъезда к подъезду, добрались до магазина. Магазин – одно название: так, небольшая торговая точка, переделанная из двухкомнатной квартиры первого этажа многоэтажки. Вроде тихо внутри, дверь заперта, на окнах решетки, Жук на меня

поглядел укоризненно.

– Там за углом вторая дверь есть, для заноски товара, пошли, глянем.

Несколько железных, слегка проржавевших ступеней лестницы и дверь нараспашку, изнутри несет тухлятиной, продукты в неработающем давно холодильнике, похоже, испортились, так что не удивительно. Про продукты Бомж правильно подумал, дверцы холодильника лучше не трогать, тошнотворный запах тлена шел совсем не оттуда, а из-за прилавка, где на полу лежал обглоданный скелет с остатками плоти. Не помогла Таисье ее доброта, не в ходу здесь такие вещи, сожрали, как и многих других. Радует одно, что не оказалась она зараженной и не бродит теперь по округе в поисках кого бы схарчить.

– Ищи тушенку, консервы разные, только всякий там горошек и кукурузу не бери, хрен утащим, а толку от них мало. И сумки какие или пакеты попрочнее, рюкзак-то один. Тихо! Кажись, едет кто. Дверь закрой! На засов, быстрее!

Шум двигателя приближавшегося автомобиля был слышен все громче. Спрятались в углу за шкафом с охлажденными когда-то напитками, Жук направил ствол в сторону двери, затаились, авось пронесет и мимо проедут. Слышно было, как машина заехала в проулок и остановилась рядом с дверью, через которую они сами забрались внутрь.

– Слышь, Бомжара, ты ж говорил, что здесь открыто, а теперь получается, что заперто, это как?

– Да точно говорю, дверь открыта была, я внутрь не лазил, но щель видел, не заперто было.

– Это кто, по-твоему?

– Ничего для нас хорошего, это точно. Найдут – завалят, ну, или мы их, кто кого вперед, только так.

– А вдруг нормальные, а мы их кокнем не разобравшись?

– Лучше мы их сначала кокнем, а потом будем разбираться, чем они нас. Забудь прежние привычки, тут по-другому нельзя. Держи, пользоваться умеешь?

Видавший виды «макар», такой в ближнем бою сойдет, если еще стрелять сможет, по причине своего почтенного возраста. Магазин полный, пистолет с виду ухоженный, хоть и потертый.

– Водителя на себя возьмешь, он обычно по сторонам смотрит, караулит, чтобы кто не прискакал, и у тебя будет шанс подкрасться сзади незаметно. Стреляй сразу, не тормози, тот долго думать не будет, понял?

Со стороны двери послышался треск ломаемого дерева, ломиком действуют. Жук перебежал в самый дальний угол и присел за боковиной прилавка. Дверь скоро поддалась и широко распахнулась. В проеме потемнело от заслонившей свет фигуры. Человек в камуфляже с автоматом медленно прошел вперед, настороженно осматривая помещение, следом вошел... блин, это же Хорек, мой бывший сосед по тепlopункту, тоже из бомжей, но с гораздо более длительным стажем. Гнусный тип, мне он никогда не нравился: скрысить

что-нибудь или у собратьев спереть – это у него было запросто. Метелили его за такие вещи нещадно, но на путь исправления он, похоже, так и не встал. Пришельцы прошли вглубь и скрылись за стеллажами, Бомж тут же тихо проскользнул к открытой двери и выглянул за проем. Там стоял грузовичок типа «газелька» в меру потрепанный с крытым кузовом, только не тканевым тентом, а стальными листами, обмотанными колючей проволокой. И что самое для меня радостное – отсутствуют боковые зеркала заднего вида: их или сняли за ненужностью, или сбили не по своей воле. Патрон в ствол я сразу же дослал, теперь только снял с предохранителя и с пяточки на носок, стараясь не топтать в своих говноступах, начал красться к кабине. Правильно сказал Жучара: водила контролировал территорию перед собой, стараясь заранее заметить опасность с той стороны, и тылам особого внимания не уделял, там же свои. И, тем не менее, реакция у него оказалась не в пример моей, успел за автомат схватиться, что рядом на сидении лежал, и даже начал движение ствола в мою сторону, но все же не успел. Бабахнул выстрел, громко бабахнул; пуля пробила ему голову и выбила правое стекло кабины, осыпавшееся осколками. Из магазина тут же стрекотнула короткая автоматная очередь; надеюсь, Жук это стрелял, а не в него. Забирать у водилы его оружие времени не было; я бросился назад, громко топя, таиться больше не требовалось, – нашумели уже больше чем надо. Из дверей навстречу вылетел мой давний знакомец, подвывая на ходу.

Думаю, не ожидал он постороннего увидеть с этой стороны и надеялся, что это водила спешит на помощь, а когда понял, было уже поздно: три выстрела. Все пули угодили в область груди, прицелиться не успевал, потому бил в корпус, в самую широкую часть туловища. Тот переломился в пояснице и плюхнулся на бок, забившись в агонии и не переставая выть. Пришлось прекратить шум, добавив ему пулю в голову. Опасности со стороны магазинной двери я не ждал, сразу сообразив, что если этот выбежал с ужасом на лице, значит, Жук третьего уже успокоил.

– Держи трофей и давай на улицу, смотри там в оба, нашу-мели блин, теперь твари быстро набегут, надо грузовик затарить, сколько успеем, сначала я потаскаю, потом сменишь.

Схватив автомат убитого, Бомж шустро побежал назад к грузовику, чтобы сменить прежнего водилу на наблюдательном посту. Осмотрев в бинокль Жука окрестности и не заметив пока что никакого подозрительного движения, он начал вытаскивать тело убиенного из кабины и оттирать сиденья от крови, которой немало натекло из простреленной башки. Жук пыхтел позади, таская ящики и забрасывая их в кузов. Справа обозначилось некое шевеление; навел бинокль, точно, плетутся в нашем направлении голубчики в количестве пяти экземпляров. Все, похоже, пустыши, особо продвинутых не видно. Тащатся медленно, минут десять у них есть. Сообщил Жуку; тот, смахивая обильный пот со лба, махнул рукой: «давай ты, я выдохся» и пошел в сторону кабины. Не

надеясь на добропорядочность напарника, Бомж первым делом вытащил из подсобки ящик с водкой и осторожно положил в кузов. Крестному для баловства, а ему – жизненная необходимость. Оставшееся время таскал все, что под руку попадалось, времени выбирать, совсем уже не было. С улицы послышалась стрельба – пора уходить. Жук выжидал до последнего, если открыл огонь, значит, совсем приперло. Захлопнул задний борт, зацепив ладонь «колючкой» и расцарапав до крови, метнулся к кабине. Жук уже был внутри и завел двигатель, благо, водила по доброте душевной им ключи оставил прямо в замке. Грузеный грузовичок разгонялся с трудом. Жук первую пятерку пустышей благополучно уложил, но пожаловали новые, и среди них кто-то заметно выделялся из общей серой массы. И когда только успел рожу нажрать? Может пришлый, из предыдущей партии?

– Бегун там, тварь не слишком опасная, но оставлять без внимания нельзя, ты стрелять умеешь?

– В армии стрелял когда-то, на троечку.

– Руль хватай, стрелок.

Меняться местами на ходу – верный способ перевернуть машину или врезаться во что-нибудь. Пришлось тормозить, что тут же положительно отразилось на настроении преследователей. Жук выскочил из кабины и, пока Бомж пересаживался и примерялся к управлению, успел расстрелять полрожка, притормозив немного шустрого бегуна. Толпа успела опасно приблизиться и почти завершила окруже-

ние неподвижной «газельки». Жук обежал кабину и запрыгнул внутрь.

– Гони!

– Куда! Эти всю дорогу заняли.

– Гони вперед, сука, не тормози!

Уже ни на что не надеясь, Бомж вдавил акселератор в пол, молясь, чтобы двигатель не заглох от чрезмерной нагрузки. Машина «рванула» с места, как бешеная улитка. По-другому не скажешь. Маломощный двигатель с огромным трудом раскручивал обороты, пытаясь разогнать перегруженную машину. Кузов завален ящиками с добычей, да и обвес из стальных листов добавил весовой нагрузки прилично, так что пришлось движку «газельки» усердно попрыгать. Места для разгона маловато: толпа зараженных слишком близко подобралась, успели набрать только километров сорок-пятьдесят в час до того, как врезались в плотную толпу пустышей. А вот здесь вес машины сыграл им на руку: зомбаки отлетали в стороны и падали под колеса, автомобиль с ревом пробивался через толпу и это ему вскоре удалось. Большую роль сыграло то, что Жук перед контактом причесал стоявших впереди остатками боезапаса магазина и, захлопнув дверь, лишь сдавленно матюкался, наблюдая через лобовое стекло за опасным прорывом. Выскочили! Оставив за собой след из раздавленных тел и медленно выползавших из обоеих кюветов разочарованных зомбаков, «помчались» вперед, на выезд из города. Впрочем, надежда вскоре пожрать поки-

нула не всех тварей. Старший по званию, успевший дослужиться до бегуна, скакал за ними следом. Пара автоматных пуль, попавших в него, лишь немного притормозили тварь, но не заставили отказаться от желанной добычи. Жук сменил магазин.

– Отъедем подальше от основной толпы, пусть пока побеждает, там и успокоим, у меня споранов на минимуме, надо его выпотрошить и пополнить запасы.

Почти уже окраина городка, я в этой стороне редко бывал, а последний год и подавно: местность незнакомая, дорог не знаю, остановился.

– Ты чего?

– Не знаю куда ехать, тут три дороги – и все незнакомые.

– Неудивительно, это граница кластера. Ладно, сиди, я сейчас.

Жук выбрался из кабины и залез на крышу фургона, осторожно ступая между нитями «колючки». Послышались звуки автоматных выстрелов, потом еще.

– Вылазь, пошли, продолжим практическое обучение. Урок третий – потрошение спорового мешка. Процедура на первый взгляд неприятная, но очень для нас полезная. Давай, давай, не стесняйся, режь по швам, там слабое место; вообще-то у зараженных – это самая уязвимая часть тела, если попасть сюда удачно, можно из автомата даже элитного завалить. Правда, я про такие случаи не слышал, но в теории – можно. Что там? Всего два спорана и больше ничего? Лад-

но, с паршивой овцы хоть столько – и то хорошо. Поехали.

Отъехали от границы города километров десять, когда Жук приказал сворачивать с дороги. Справа лесок нарисовался. Дороги туда не было, даже грунтовки, но видно было, что изредка сюда заезжали на автотранспорте – виднелась еле заметная колея, заросшая травой и молодым кустарником. Заехали в кусты и медленно покатали, куда Жук показывал; ветки хлестали по машине, подвеска скрипела, раскачиваясь на колдобинах. Плелись таким макаром примерно с километр.

– Все тормози, приехали. Вот мы и дома.

– Что-то я поблизости никакого дома не наблюдаю.

– Вот и отлично, что не видишь, для того и сделано. Вылазь, дальше я сам.

Жук потихоньку, на тормозах, спустил машину вниз по склону, приминая колесами траву, и, немного не доехав до противоположной стены оврага, остановился. Вышел из кабины и, просунув руку в заросли кустарника, потянул на себя с усилием.

– Чего стоишь, помогай давай, не все мне одному корячиться.

Раздвигая свисавшие вниз ветки кустарника, плотно заросшего склон оврага, распахнули створку огромной металлической двери, занавешенной зеленой маскировочной сеткой. Потом вторую такую же. Открылся зев ангара, устроенного в стене оврага и уходящего далеко в глубину и темноту.

– Вот оно – мое убежище. Со светом только внутри не очень, свечи или керосинки палить сам понимаешь, чревато, запах от них далеко распространяется, а такой запах – это как приглашение на обед для тварей. Пока ворота открыты, днем нормально видно, глаза быстро привыкнут, а как стемнеет – спать надо ложиться, освещение будет без надобности, а на крайний случай можно лампу запитать от автомобильного аккумулятора. И вот еще что: ты сам без меня по окрестностям не шарься, там у меня вокруг сюрпризы приготовлены для непрошенных гостей. Сейчас машину загоню внутрь, будем отдыхать пару дней, потом в стаб двинем, добычу продадим, и к знахарю нам обоим нужно попасть, а те без оплаты не работают.

– Зачем? Ты вроде оклемался, а я вообще нормально себя чувствую, гораздо лучше, чем раньше.

– То, что оклемался, это ты правильно заметил, да только для здешней жизни этого маловато будет; нам обоим требуется полностью организм восстановить, а такое только знахарю под силу. Я имею в виду восстановить за относительно короткий срок. Можно, конечно и бесплатно то же самое получить – поваляться например, здесь, в убежище моем, пару месяцев и все само восстановится, только в Стиксе богадельни, к сожалению, отсутствуют и бесплатного хавчика не бывает. Да и запасы живчика требуется пополнять постоянно, а для этого спораны нужны. Их или самому добывать, или покупать нужно в стабе. В общем, дешевле знахарю заплатить,

чтобы он тебя за час на ноги поставил, чем самостоятельно восстанавливаться. По крайней мере, в нашем случае. А тебе как новичку, вообще необходимо к знахарю как можно быстрее показаться, он тебе подскажет, что с твоим организмом сейчас происходит и что дальше будет, чтобы поздно не оказалось. А то, что с тобой что-то не так, я это сразу заметил, только в толк не могу понять, что именно.

– И что же со мной не так?

– Самое странное, что ты живчик не потребляешь с самого пришествия, при этом тебя совсем не колбасит, а должно. Я такую хрень в первый раз вижу. По идее, ты без регулярного приема живчика давно лапы должен был склеить или трясло бы тебя не по-детски, а ты смотрю совсем бодрый и вместо живчика водку хлещешь. Неправильно это, потому и беспокоит меня сильно, так что знахарю тебе показаться надо обязательно и побыстрее. Ты, судя по всему, иммунный, никаких признаков перерождения в тварь зараженную я не заметил, но иммунный должен живчик принимать, иначе долго не протянет – это закон, а ты, зараза, не пьешь и недохнешь – парадокс, который я объяснить не могу. Короче, отдыхаем, собираем товар и в стаб: там разберутся с твоими чудесами, если не знахарь, то ментат обязательно.

– Это который мысли читает?

– Не знаю точно, чего он там читает, но на чистую воду выведет непременно, если ты, конечно, не более сильный ментат, чем он.

Глава 2

Убежище

Внутри ангара Жук устроился совсем неплохо, видно давно здесь обитает. Сколотил несколько деревянных стеллажей, где свалено много чего добытого. Кроме пригнанной трофейной «газельки» имелось собственное транспортное средство – выдавший виды ГАЗ-69 с металлической кабиной, слегка укрепленной листовым металлом.

– Если у тебя «газик» в наличии, чего пешком ходишь: на нем ведь побольше можно увезти, чем на собственном горбу?

– Любой немного отъевшийся урод разнесет эту лоханку в два счета и меня вместе с ней. В одиночку шансов никаких. Если вдвоем и приделать крупный ствол сверху кабины – можно попробовать; ты стрелять хорошо умеешь?

– Спрашивал уже; не снайпер – это точно, но попасть куда-нибудь смогу, если повезет.

– Ладно, если все нормально сложится, вернемся из стаба, покумекаем над этим вопросом. Вдвоем у нас должно неплохо получиться, ты правильно говоришь – на машине добычи гораздо больше можно взять.

Через два дня пребывания в убежище у Жука все было готово для поездки в стаб. Загрузили в «газельку» предна-

значенные для продажи вещи, саму машину Жук тоже собрался продать, как не подходящую для вылазок за добычей. Мотор слабоват и подвеска тоже; лучше подкопить и приобрести мощный «Стиксмобиль», бронированный и с пулеметом. Добираться до стаба Жук планировал на обеих машинах, а на газике вернуться назад.

– А чего ты в стабе не устроишься, ты говорил там вроде безопаснее, чем здесь?

– Дорого там жить, да мне и здесь удобнее, место хорошее, скоро сам убедишься. Пошли, кстати, глянем на представление, а то пропустим все, мы ж не просто так два дня здесь сидели.

– Чего пропустим?

– Увидишь. Иди за мной след в след, в сторону ни-ни, уяснил?

Пришлось послушаться, Жук зря предупреждать не будет, явно у него тут понатыкано всякого вокруг. И действительно, метров через четыреста тот остановился, приказал стоять на месте, а сам скрылся в кустарнике.

– Растяжка тут у меня, снял пока, на обратном пути верну на место. Недалеко уже, скоро будем на месте.

Местом оказалось большое дерево с большой развесистой кроной. Жук принялся карабкаться вверх, перебираясь с ветки на ветку по явно отработанному маршруту. Видно было, что не первый раз туда лезет. Бомж взбирался следом, ставя ноги на те же ветки и хватаясь руками там, где толь-

ко что была рука напарника. Уселись рядом на толстой ветви, откуда сквозь густую листву открывался неплохой вид на широкое поле.

– Подождем немного, скоро должны проехать.

– Кто?

– Колонна из стаба, к городу поедут, там перезагрузка вот-вот начнется.

– Так скоро? Была ведь недавно совсем.

– Нет, тут не все так просто. Та, что была, в которую ты угодил, это «локалка», есть в том месте такая причуда у Улья: одна небольшая часть городишки вашего часто перезагружается, причем в самых разных местах и временных промежутках – хрен угадаешь. А раз в год весь город сразу; вот в этом случае из стаба большая колонна и идет, да несколько раз туда-сюда успевают смотаться, пока все интересное не выгребут.

– А мы что, не будем участвовать?

– Не для нас этот «праздник жизни», одиночкам и мелким группам без серьезного прикрытия там делать нечего, если конечно, суицидальные наклонности не проявились. Туда сейчас рванут серьезные парни и с нашей человеческой стороны и с противоположной. Соваться нельзя, уроют мигом, даже свои могут, чтобы под ногами не путались и лишних проблем не создавали.

– Так чего мы-то сюда приперлись?

– Слушай и учись. Когда колонна идет, ей останавливать-

ся незачем, время дорого: чем быстрее доедут, тем быстрее вернуться, пока там в городе обстановка еще не сильно накалилась. А твари (не все, конечно), те, кто постарше и поумнее, в сторонке от колонны держатся, а прочие, которые поглупее, параллельно ей бегут, им тоже в город нужно попасть, за вновь прибывшим «свежаком». Если близко приблизятся или, не дай Стикс, на колонну прыгать вздумают, тут их на ходу и валят. Валят и дальше едут; тормозить нельзя, я уже говорил. Тварь остается бесхозно валяться, а там спораны и прочие нужные штуки пропадают – это непорядок. Вот я и прибираю за ними, один раз даже рубера начинающего успокоили, так я с него хорошо поимел, жемчужины правда не нашел, но прочего разного добра поимел немало.

– То есть, падальщиком заделался?

– Какая разница, как ты свой горох добыл. Мне самому-то не то, что рубера – лотерейщика или даже бегуна подросткового не завалить. Не тот у меня калибр, а спораны очень нужны, без них сдохнешь, так что не брезгую. Только такая удача редко выпадает, приходится покупать спораны в стабе, а цены там не малые, про горох вообще молчу, редко его могу себе позволить. Вдвоем оно, конечно, сподручнее было бы.

– Это типа приглашение что ли? Ты ж вроде любитель в одиночку промышлять?

– Так-то оно так, одному вроде неплохо было: ни от кого не зависишь, никто не подведет в трудную минуту; но если хорошо поразмыслить, то вдвоем промышлять – есть в этом

свои преимущества. Главное – чтобы человек был хороший, надежный. Ты вроде ничего парень. Так что смотри: первое время пока не оботрешься, опыта не поднакопишь, можем вместе промышлять, а потом сам решишь, как тебе дальше быть. Во, слышишь? Едет вроде колонна, ты сиди спокойно, не дергайся, а то у них там датчики разные имеются, еще причешут ненароком из пулемета. Да и тварям большим показываться не стоит: снимут нас с дерева, у них не заржавеет.

Колонна оказалась немаленькая: впереди шли два БТР восьмиколесных с пушечными башнями, за ней несколько грузовиков, оцетинившихся стволами из прорезанных в металлических кузовах бойниц, следом тягач с прицепленной платформой, на которой стоял танк. Судя по внешнему виду ходовой части, самостоятельно боевая машина двигаться была уже не способна: гусеницы отсутствовали, корпус намертво приварен к платформе. А вот башня с орудием казалась вполне боеспособной.

– Это у них против самых крупных тварей приготовлено, если снаряд в такую попадет, то той точно не поздоровится, только попасть трудно, слишком подвижные эти твари, хорошо хоть, что здесь редко встречаются. Ближе к Пеклу, говорят, их полно, но я сам элитника ни разу не видел, да и слава Стиксу.

– Значит, здесь элитники не водятся, а почему?

– Географическое положение особенное: «чернота» с двух сторон, туда никто не сунется по доброй воле, да и без нее

тоже, там кроме смерти ничего не светит и техника в тех местах не работает. С запада быстро перезагружающийся кластер дорогу перекрывает, попасть в нем под откат – дураков нет. Остается возможность только со стороны Стаба зайти. А там всю территорию Варнак контролирует, тот, что Хмурый держит, ну, это куда мы двинем чуть позже. Чтобы до элитника дорасти, много жрать нужно и конкуренция в этом деле большая, да и не даст Варнак им такой возможности, отстреливает слишком заматеревших тварей постоянно. Потому и не водятся в наших местах слишком опасные тварюги, но и жемчуга тоже не добыть, такой вот житейский компромисс.

За платформой мчались еще два БТР. Все машины прошли подготовку по моде Стикса – покрыты торчащими во все стороны приваренными к корпусу стальными шипами и густо обмотаны колючей проволокой.

– Это чтобы мелочь всякая, если прыгнет, в ней запуталась или на шип накололась; против отожавшихся не сильно помогает, так, притормозит немного и то хорошо. А вот и они нарисовались, замри, у них слух и обоняние, охренеть какие чуткие, в момент рисуют.

По полю параллельно движению колонны бежали несколько больших тварей. Это явно были как раз те, кто поумнее, потому что держались от проходящей колонны на большом расстоянии и сближаться не собирались. Особо матерых заметно не было, в основном середнячки, не отличавшиеся большим видовым разнообразием. Через несколько

минут поле опустело, колонна и сопровождавшие ее твари исчезли из поля зрения.

– Ну вот, теперь порядок. Можно двигать, жаль, что никто из тварей на колонну не рыпнулся, видать ученые уже, что ж, не подфартило на этот раз. Зато теперь до стаба доедем более-менее спокойно, все здоровые твари убрались в город, а с мелочью сами справимся. Я «газельку» поведу, ты на газике поедешь, держись за мной и делай как я, вперед не лезь, особенно перед стабом, там ребята меня знают и палить, не разобравшись, не будут.

Перед воротами стаба «Хмурый», напоминавшего внешне грубо сработанную крепость из многочисленных постапокалиптических поделок Голливуда, «газелька» притормозила, Жук пошел договариваться с охранниками. Пока шли переговоры, стволы крупнокалиберных пулеметов, торчащие из амбразур бетонных укрытий, держали обе машины под прицелом. И ежу понятно, что опасности они никакой не представляют, но раз так заведено, пусть потешатся. Неуютно сидеть и ждать, ощущая на себе прищуренные глаза пулеметчиков, готовых открыть огонь, если им вдруг чего такое привидится. Жук минут пять болтал с вышедшим из блокпоста мужиком, размахивал руками, иногда поворачиваясь назад и показывая пальцем в сторону Бомжа. Мужик кивнул головой и вернулся назад в укрытие, стальные заграждения вручную оттащили в стороны, пропуская машины на охраняемую территорию. Пропетляв по не слишком гармонично застроен-

ному поселению, остановились около невзрачного двухэтажного дома.

– Выходи, здесь остановимся. Недорого и пожрать на месте можно, без риска отравиться. Нам сальмонеллез не страшен, только говно жрать все равно неохота. Устроимся, пообедаем, что Стикс послал, потом я смогаюсь к нужным людям – товар продам, а ты посиди в номере и не шастай по городу без меня.

Вернулся Жук через несколько часов, не в слишком приятном расположении духа, выдул с ходу остатки водки, что Бомж не успел лично оприходовать, прямо из горлышка и уселся на кровать.

– Суки барыжные! За споран удавятся, чуть не осип с ними торговаться, аж устал. Посижу немного, а после к знахарю двинем. Продал я все-таки, все что было, даже «газельку» пристроил, пусть и не дорого. Не то, чтоб много получилось, я на большее рассчитывал, но на первое время хватит и на знахаря, и на ментата, кое-что и на кармане останется. Я всю выручку у себя пока подержу, если не возражаешь, ты в здешних экономических особенностях пока что плохо разбираешься.

Глава 3

Врачебная тайна

К знахарю попали практически в конце «рабочего дня», хоть тот у него и не нормированный, работает на дому по мере подхода клиентов. «Доктор» планировал уже было закрыть лавочку по причине отсутствия страждущих, а тут вон – сразу двое пожаловали. Жук пошел первым, Бомж ждал своей очереди на скамейке в «предбаннике», где даже гламурных журналчиков не было разбросано на столике. «Таинство» врачевания продолжалось где-то часа полтора, он уж совсем заскучал от ничегонеделания. Как обычно захотелось выпить, но пока держался. Жук вышел и впрямь помолодевшим; похоже, здешняя медицина творит чудеса. Теперь его очередь. Знахарь, мужик лет сорока, на первый взгляд, точный возраст трудно определить; здесь все выглядят в среднем на тридцать-сорок, даже те, кому давно за шестьдесят было в прежней жизни. Внутри ничего особенного – кушетка, стол со стулом, «больной ложитесь, на что жалуетесь», начал водить ладонями над головой и остальными частями тела, экстрасенс, бляха-муха. И вдруг все изменилось, Бомж прямо ощутил возникшее напряжение в атмосфере приемной. Лекарь внезапно отодвинул стол от кушетки и присел за стол.

– Давно сюда попал?

Что-то не нравится Бомжу его голос: странный какой-то, настороженный.

– Как ощущения были в первое время? Тошнило, голова кружилась, живчик принимал?

Рассказал в общих чертах краткую историю своей здешней жизни с требуемыми подробностями, знахарь задумался.

– Ты – очень необычный пациент, я б даже сказал уникальный. Я просто не верю, что такое в принципе возможно, но факты говорят об обратном. Мне надо подумать и посоветоваться кое с кем. Полежи пока здесь, не уходи никуда, я скоро вернусь.

Знахарь направился к двери, но далеко не ушел – та распахнулась, в проеме стоял Жук, держа в руке пистолет. Ствол направлен прямо в грудь лекарю. Это что еще за хрень? Пациент начал приподниматься с кушетки.

– Лежи спокойно, не дергайся, нам с товарищем доктором поговорить нужно об очень важном деле. Садись-ка назад на стул и руки на виду держи, не нервничай меня.

– У меня оружия нет. Знаешь, что за такое бывает – знахарю стволом угрожать, это не самая лучшая твоя идея.

– Я законы не хуже тебя знаю, но здесь случай особый, сам понимаешь.

– Подслушивал за дверью?

– Естественно, я ж парня не просто так к тебе приволок, тоже не дурнее паровоза, кое-чего соображаю. Давай, рас-

сказывай, что да как с ним.

– Сам наверно уже догадался?

– Не дурак и не слепой, тут только полный идиот бы не заметил.

– Что там со мной не так, чего вы так встрепенулись?

– Помолчи пока, видишь, люди разбираются с ситуацией. Давай, знахарь, не томи.

– Как ты уже понял, он не заражен, в смысле – он не иммунный и не зараженный; он остался таким, каким был в прошлой жизни. Такого просто не бывает. Заражаются все, а потом как повезет: или в твари, или в наши ряды; а этот – ни туда, ни сюда, – нет в нем паразита.

– Значит, я все правильно подметил: живчик не пьет и не тянет на него; рана на руке долго не заживает и нагноилась слегка; полное отсутствие привычных для обычного иммунного изменений в организме. Да, дела творятся нынче чудные. Вопрос: что теперь с этим всем делать? Ты ж понимаешь, что я за ствол не просто так взялся, проблема у нас нарисовалась. И вариантов для ее решения, по моему мнению, у меня два. Знают про это пока что двое: за себя я ручаюсь, а вот насчет тебя не уверен; потому первое решение – уменьшить количество посвященных на одну единицу.

– Последствия для тебя будут не слишком радужные.

– Да я в курсе, что валить придется быстро и как можно дальше отсюда, в любой приличный стаб мне ходу больше не будет. Это если не догонят и не завалят в самом начале, но

шанс у нас есть, пусть и небольшой.

– Слушайте, вы чего так напряглись? Ну не заразился я вашей этой инфекцией, ну и что такого?

– Я тебе сказал, помолчи, ты же не соображаешь, в какое дерьмо вляпался, пусть и не по своей воле. Не мешай посвященным тебя от смерти спасти или от чего похуже. Ну и второй вариант – поверить в святость врачебной тайны, как эти идиоты в тайну исповеди верят и надеяться, что все будет хорошо. Ты бы на моем месте как поступил?

– Насчет врачебной тайны – это ты зря.

– Да что ты говоришь! Помнишь: «нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист, если это принесет триста процентов прибыли», так вроде, у товарища Маркса было сказано. А у нас не триста процентов и даже не тысяча, а гораздо больше.

– Эй, парни, я, между прочим, тоже здесь и очень хочу принять участие в дискуссии, или хотя бы понять, о чем весь кипишь. Короче: или вводите в курс дела, или я пошел, сам разберусь.

– Я бы на твоём месте не дергался, хотя, если настаиваешь, вот тебе ствол, сам застрелись, и это будет не худший вариант в твоём случае, по крайней мере, мучиться долго не будешь.

– Что, так все серьезно?

– Ты даже не представляешь как.

– Жук, в общем-то, это его проблема, не твоя; спокойно можешь отвалить и тебе ничего не будет.

– У меня есть три возражения на эту тему. Он новичок, мой крестник и он мне жизнь спас, так что не прокатит твоё предложение.

– Я все ещё жду разъяснений.

– Я сейчас схожу кое-куда, а гражданин доктор тебе подробно, пока я не вернусь, объяснит проблему. Только есть одна неувязка, сбежать он может раньше времени, посторожишь? Слушай крестник, ты наверно уже понял, что шутки кончились, очень нужно, чтобы ты мне поверил и сделал, как я скажу, иначе все – хана тебе, ну и мне заодно.

– Что делать?

– Я сейчас лекаря к стулу привинчу, а ты посторожишь, чтобы меня дождался. Держи ствол, он хоть и без глушителя, но если придется стрелять – не раздумывай. Потом вали быстро, где схрон мой – знаешь, только придется туда пехом топать. Если фарганет, я подтянусь, если нет, дальше ты сам по себе. Я табличку твою, доктор, переверну на двери, типа закрыто, если ты не возражаешь, нам лишние свидетели не к чему.

Минут через сорок Жук вернулся и не один: пришел с ним хмурого вида человек, как ни странно, в летах, по крайней мере, внешне. Волосы с сединой, взгляд из-под бровей, прямо следователь НКВД на пенсии. За это время знахарь, не делая при этом ни малейших попыток освободиться, рассказал Бомжу про все, что тот хотел узнать. Самое главное – про его неимоверную ценность для внешников. Самая

большая проблема для этих высокоразвитых козлов, свободно шастающих туда-сюда в Стикс и обратно, не заразиться здешним паразитом. Поэтому они предпринимают для этого все самые строгие предосторожности с полной изоляцией от атмосферы Улья, а это очень сильно ограничивает их функциональность. Приходится поневоле взаимодействовать с мурами, местными бандитами и отбросами общества, что не слишком приятно, а иногда и вовсе проблематично. Так что перспектива получения возможности свободно находиться в Улье и не заразиться, для них имеет охренительную ценность. Это возможность тотальной экспансии и взятия Стикса внешниками под полный контроль. Вот почему изучение особенностей его организма, отторгнувшего паразита напрочь, и использование полученных результатов так заманчивы для них. За эту возможность внешники дадут такую цену, что отказаться будет практически не возможно.

– Вопрос у меня к тебе такой: Знахарь узнал от нас очень важную тайну, я хочу знать: сохранит он врачебную тайну или решит поделиться этим знанием еще с кем-нибудь?

– Цену ты знаешь.

– Я согласен, а можно часть споранами, а то немного не хватает?

Новоявленный «экстрасенс» взялся обрабатывать Знахаря, подержал ладони лодочкой у его головы с умным видом и глаза при этом забавно жмурил. Отошел, Жук протянул ему два мешочка.

– Можете его отпустить, он сохранит тайну.

Ментат вышел за дверь, больше не произнес ни слова. Жук вздохнул и принялся отвязывать лекаря, сделав при этом виноватую рожу.

– Прощения прошу за созданные неудобства, готов возместить моральный ущерб насколько смогу.

– Если бы я не был в курсе, что происходит, то тогда – непременно, а так, учитывая сложность проблемы, считай, что забыли. Только больше стволom в меня не тычь! Заплатишь мне двойной тариф за «неудобства», спораны остались еще? Ладно, потом занесешь, когда разбогатеешь.

* * *

Вернувшись в гостиницу, отправились ужинать и непременно принять на грудь после всех дневных волнений.

– Ты теперь в курсе, что да как, что скажешь?

– Знахарь пообещал, Ментат подтвердил, вроде нормально все.

– Я бы не был так уверен. В общем, я с тобой согласен: мыслишь правильно, но слишком уж цена за тебя большая светит. Ну, не бывает при таких ценниках все хорошо. Был такой алмаз (не знаю, как он в твоём мире назывался, но это и не важно), огромной ценности был камешек, потому что большой и уникальный. Так вот, все, кто им владел, быстро клеили ласты и не вполне естественным способом. Короче,

валить надо отсюда не задерживаясь и прямо сейчас, пока не опомнились.

Заплатили за ужин остатками наличных средств (осталось их после всех операций лишь минимум) и, погрузившись в «газик», покатали к воротам. Момент истины наступает: если притормозят у ворот, то все – трандец. Напряжение нарастало, подъехали медленно, встали у заграждения, Бомж сжимал в руках автомат, готовясь продать жизнь подороже. Жучара изобразил на роже безмятежность и пошел договариваться с охраной.

– Жучара, куда поперся на ночь глядя, до утра нельзя было подождать?

– Дело срочное нарисовалось, сам не рад, честно говоря.

– Да не трынди, какие у тебя дела? Дохлых бегунов потрошить и магазины на окраине обносить. Новичка, смотрю, с собой тащишь, он в курсе с кем связался?

– Слышь, Порох, ты сам-то давно в рейде был, вон какой мамон нажрал, сидя на жопе, он еще и умничает.

– Ладно, валите, если приспичило; а в рейд меня сами не берут. Варнак говорит, что я слишком много места занимаю, двоих можно вместо меня взять.

Покатали в темноту, перевели дух, вырвались! А может и не вырывались вовсе, может и не знает кто лишний про чудеса моего организма, верить надо людям. Минут через пять Хмурый, вместе с его тусклыми фонарями по периметру, скрылся в темноте после очередного спуска в ложбину.

– А не опасно вот так по темноте ехать, я смотрю, ты и фары не включил?

– Не опасно, а очень опасно, только мы не поедem никуда, здесь заночуем в леске; далеко от стаба отъезжать сейчас неразумно, если что – успеем вернуться под его защиту. Я посторожу, ты спи, мои способности чувствовать опасность, надеюсь, не подведут. Рассветет – сядешь за руль, а я покемарю; конвои днем сейчас часто ездят в этом месте, пристроимся сзади и проскочим вместе львиную долю пути, а там уже и недалече будет. Если их, конечно, не предупредили уже на наш счет, тогда даже не знаю что и делать.

В убежище Жука было по-прежнему все спокойно, похоже, за это время никто не покусился на его добро. Закатали машину внутрь, ворота прикрыли.

– Что теперь делать будем?

– Сидеть на жопе ровно и ждать.

– Чего ждать?

– Если пойдет не так как хотелось бы, то нас найдут и выколупают отсюда. Спрятаться или сбежать не получится. Так что остается только ждать и надеяться, что пронесет.

– Жук, а тебе не стоит прислушаться к совету Знахаря? Ты сам по себе, я сам, мои же проблемы, мне и выпутываться, ты ж вроде не при делах.

– Думаешь, я сильно жажду с тобой нянчиться? У меня просто выхода теперь другого нет: тебя если достанут, то меня тоже, мы теперь повязаны прочно. Кто ж меня теперь от-

пустит, знаю слишком много, завалят без разговоров, нет человека и проблемы нет? Так что мы вместе теперь при любом раскладе. Не чуял я тогда негатива от лекаря, напрягал дар насколько мог, но так и не почувствовал никакой опасности от него исходящей.

– А ментат не выдаст?

– А я почему знаю.

– А сам?

– Чего сам?

– Ты меня сдать не хочешь? Сам же говорил, что награда будет огромная, до конца жизни хватит ничего не делая жить припеваючи.

– Думал, конечно, очень я тебе скажу заманчиво, но прикинул все и понял, что не стоит.

– Что так?

– Не мой уровень. Не прокатит. Найти большое богатство – не главное, главное удержать и при этом выжить, а у меня – никаких шансов. Ни положения, ни связей нужных. Тут даже Варнак не стал бы связываться, а у него силы немалые имеются; тебя приберут, а его раскатают в пыль. Чтобы такие сделки проворачивать, тут человек покрупнее требуется, Князь, к примеру: этот, наверное, потянул бы; у него, слышал, связи неплохие в муровском вышаке имеются, хотя такое сильно и не приветствуется. Рассказывал я тебе про муров? Не помню. Короче, бандиты это здешние, последняя падаль, какая только может быть, но если приспичит с внешниками

законтачить, то только через них; они у них как псы цепные, наших ловят и на органы, а потом их внешникам толкают. Князь этот у здешних стронгов за главного. Про стронгов тоже не рассказывал? Ты ж брошюрку читал? Должен знать вроде, кто такие. Вот Князь, пожалуй, мог бы встречу организовать и обменять тебя на награду, без риска оказаться в полете. Короче, сидим и ждем, если в течение недели не заявятся, то будем считать, что повезло и лекарь с ментатом не скурвились. Да, недельку протянем, тебе живчик без надобности, а мне хватит, если не напрягаться, на крайняк, парочка споранов заначенных на черный день, присутствует на кармане. Хавчик есть, вода тоже, продержимся.

Глава 4

Князь

– Эй, Жучара! Вылазь давай, только без нервов, а то причешу из КПВТ. Оружие внутри оставляем, руки на виду держим, выходим без задержки, люди важные ждут, да и мне некогда, дел невпроворот, как обычно. Жук, ты меня знаешь, шутить не буду и ждать долго тоже, решай быстрее, пять минут тебе, после газ пускаем и берем тепленьких без лишних затей.

– Это кто?

– Варнак, твою мать, дождались! Все-таки продали, суки, кто б сомневался, за такие деньжищи-то, кто б устоял.

– Чего делать будем?

– А чего делать? Выходить будем, не хочется, а придется, другого выхода-то все равно нет. Варнак церемониться не будет – пустит газ, а от него отходняк знаешь какой? Лучше тебе не знать, я уже пробовал, очень не понравилось.

Вышли друг за другом, руки «в гору». Крупнокалиберный пулемет присутствовал, не соврали, прямо напротив входа поставили, направив ствол на ворота. Человек десять бойцов при полном вооружении, одиннадцатый – самый крупный – тот самый Варнак, который за главного.

– А чего танк не подогнали, нас аж целых двое с одним

автоматом, не боитесь?

– Ладно, Жук не бухти; мне самому не в радость, но люди серьезные попросили, отказываться не с руки было, вредно для бизнеса и здоровья. Нам, в принципе, только парнишка твой нужен, ты можешь оставаться, на тебя заказа не было.

– Я без него не поеду.

– А кто тебя спрашивать будет?

– А вот у нее спроси, – на, лови колечко.

– Ты чего сука удумал! Гранату отдай!

– Короче: или мы вместе с Жуком едем, или я ее отпускаю.

Мертвый я вам без надобности, и «серьезные люди», уверен, очень огорчатся, нет?

– А сам-то Жук захочет ехать, у него спросил? Ему-то на хрена такие приключения? Сидит здесь нормально, без лишних проблем, коптит небо потихоньку.

– Я поеду.

– Ну, как знаешь, хочешь – поехали, места хватит. У тебя парень сейчас гранатку примут осторожненько, ты главное не дергайся раньше времени. Да не ссы ты, Варнак слово держит, ничего с твоим дружком не будет. По крайней мере, с моей стороны – точно. Мне заказали взять и доставить парня в целости, а если к нему бесплатное приложение полагается, ну ладно, нам не тяжело.

– Внутри только не лезьте, чревато для здоровья.

– Да кому твое нищесборное барахло нужно, Жучара, нечего нам там делать, успокойся. Связывать вас потребует-

ся, сдрыснуть не планируете?

– От вас, пожалуй, сбежишь.

– Вот и хорошо, двинули.

– Вы бы тут поаккуратнее шлендрали, а то подорветесь невзначай, а мне потом предьявы.

– Не парься, у меня человек имеется, пройдем как по бульвару, он все твои секретки видит. Как ты думаешь, мы сюда смогли так незаметно подойти? Понатыкал ты, конечно, в этих местах изрядно всякой всячины, времени смотрю много свободного, от безделья маешься? Так шел бы ко мне в бригаду, у меня текучка приличная, хорошие люди постоянно требуются.

– Потому и не иду, что «текучка», к руберу на обед что-то пока не тянет.

– Да ладно, я тебя сильно беречь буду; с твоим-то талантом будешь сидеть за броней в самом безопасном месте.

– Ты откуда про мой дар знаешь, я вроде не распространялся?

– А, ты про это. Информацию про вас заказчик дал, у него сам и спросишь, откуда он ее взял.

– Вот тут я не понял, совсем. Кроме нас двоих никто больше ведь не знал, но мы вряд ли бы растрезвонили. Пояснишь?

– Приедем к заказчикам, там пояснят, а я правда не знаю, как они узнали, есть наверно способы, нам простым смертным неизвестные. Кстати, про твой дар предупредили, а за-

чем им «свежак» этот потребовался, не сказали, попросили просто взять и доставить, остальное не мое дело.

– А кто заказчик?

– Приедем – увидишь. А насчет моего предложения подумай: если живым останешься и тугу по жизни будет – приходи, приму на хороших условиях.

* * *

Когда выбрались из ложбины, увидели, что здесь их ожидают два БТР с заглушенными движками, контролирующие окрестности пулеметными спарками. Загрузились, поехали, судя по направлению – к Хмурому. Доехали без приключений, все более-менее крутые зараженные отирались пока что в городе, доедали, что осталось. Через блокпост проехали без остановки и покатали дальше вглубь городка.

– Вылазь, приехали, дальше сами – вон в ту дверь.

Домик приличный, один такой в округе, типа элитная гостиница для состоятельных гостей. У входа два мордворота с автоматами, причем снаряженными и готовыми к бою, что вроде бы не приветствуется внутри стаба, но им, наверное, можно. Пропустили внутрь без проволочек, один пошел следом проводить.

– Здравствуйте гости дорогие, проходите к столу, располагайтесь, выпить-закусить не стесняйтесь.

– Здравствуй, Князь, что-то ты слишком приветливый

нынче, не к добру это.

– Не к добру, это ты точно подметил, скорее к большому добру, для меня и для вас тоже, но про дела потом поговорим, время не жмет, сегодня отдыхаю. Давай накатим за встречу.

– Может, все же сначала поговорим, просветишь, зачем нас сюда с таким почетным караулом притащили? Обсудим все, да мы пойдем себе, не будем мешать отдыхать уважаемому человеку.

– Нет, это вряд ли. Идти вам теперь некуда, потому как дело у меня к вам имеется; предложение, от которого отказываться не стоит. На меня теперь будете работать.

– Выбора у нас, я так понимаю, нет?

– В точку! Выбора нет. Но ты как услышишь, что я предлагаю, так сразу повеселеешь, я тебе говорю!

– Это – Князь, главный у стронгов в наших местах, про них я тебе уже говорил. Большой человек по местным меркам, а это вот – Бомж, крестник мой.

– Ну, вот и познакомились, давайте за знакомство и будущее плодотворное сотрудничество.

– За знакомство можно, а насчет сотрудничества даже не знаю: не нравится мне, когда выбора не оставляют.

– Нравится – не нравится, не повезло тебе Жук с крестником, неудачный выбор, а может и наоборот повезло сильно, это как повернется.

– Князь, кончай тумана напускать, выпили, закусили – да-

вай за дело поговорим.

– Хорошо, давай к делу. Не умеете вы парни расслабляться и мне не даете. Выпили бы еще, в баньку сходили, да к девкам, а?

– Князь!

– Ладно, ладно, шутки в сторону, поговорим серьезно. Короче, рассусоливать долго не буду, перехожу сразу к сути. На крестника твоего внешники виды имеют и очень большие, про это вы, я думаю, уже и сами догадались. Как я этих тварей и прихвостней ихних муров люблю, всем известно. Если ты чего-то сильно хочешь, то обязательно за этим придешь, прямо сейчас или немного позже, но придешь, а мы встретим.

– Я так понимаю, ты решил мышеловку соорудить и нас в качестве приманки приспособить?

– Грубо, конечно, но суть угадал правильно. Поставлю около вас охрану, лучших ребят своих, спрячу подальше, но эти все равно узнают где, попробуют достать, тут капкан-то и захлопнется. Как вам идея? Вас на полное обеспечение, жрите, пейте, сколько влезет, все ваши проблемы позади.

– Платить сколько будешь?

– Ну, ты, Жучара, и наглая зараза! Я тебе – полный пансион, защиту, жилье, а ты еще и навариться хочешь. Ладно, по окончании охоты каждому по жемчужине выделю, от щедрот моих, идет?

– Приманку чаще всего съедают в процессе охоты, на хре-

на нам тогда жемчужина, кстати, красная или черная?

– А ты какую хочешь?

– Красную, естественно, белая-то у тебя вряд ли имеется, а если есть, то ты тратиться на нас точно не захочешь.

– И тут ты угадал, белая и самому пригодится, а вам по черной отсыплю, красную – жирно будет.

– Давай, сразу обе и договорились.

– Слушай, жук навозный, я с тобой здесь не договариваюсь, а привлекаю к нужной мне работе, так что завязывай с торгом, не путай кислое с холодным. Ладно, я сегодня добрый, наверно от предвкушения удачной охоты, дам вперед одну черную, только немного попозже. Тебе одну – лично, охламону твоему она без надобности. Я в курсе – чего и как, глаза можешь не пучить; вторую – по окончании. Все, разговор закончен, как и чего делать, это теперь у Беса будете спрашивать, он главный по охране и по всем прочим делам. Бес! Зайди, забирай голубчиков, надоели они мне, не пьют толком, только языками чесать могут, принимай, короче, под свое крыло.

– Последний вопрос.

– Я ж вроде сказал, торг закончен, чего не понятно?

– Ты только скажи, кто нас сдал, знахарь или ментат, я должен знать.

– Ни тот, ни другой, успокойся, они не при делах.

– Я что-то не совсем понял, кроме нас с Бомжем знали про это только те двое, а ты говоришь – они не причем, это как?

– Ты же в Улье, Жучара, здесь и не такие чудеса происходят, пора бы привыкнуть. Ладно, поясню для тех, кто не в теме. Слышал поговорку, кажется немецкую: что знают двое, знает и свинья? В наших условиях можно перефразировать так: что знает один ментат, знают и все остальные. Короче, здешний этот из Хмурова, как узнал про тему, так сразу сильно заволновался, да так, что круги пошли во все стороны по-ихнему ментатскому морю: всем мозгоправам вокруг весточка пришла. А что конкретно, выяснить не сложно, если имеется ментат покруче вашего, а такой у меня есть, так что – вот так как-то. В общем, ты на них не гони, они даже не в курсе, что их, как там эти задроты говорят, а – «хакнули». Сняли информацию, а те даже не почувствовали ничего, вот такие дела творятся.

Вошедший на зов хозяина парень крупным телом не выделялся, скорее, наоборот – был высок и худощав, но отсутствие у него телесной мощи было обманчивым. Выдавали глаза, серые, даже скорее, стального оттенка, и манера движений, которые не оставляли сомнений, что он гораздо более опасен, чем оба мордovorота-охранника, вместе взятые. Тем не менее, опасности исходящей от него Жук не почуял, по крайней мере, в отношении них с крестником; равнодушные машины, выполняющей свое предназначение, не более того. Вышли вместе, оставив Князя допивать в одиночестве, и, следуя указаниям Беса, проследовали вверх по лестнице на второй этаж.

– Здесь поживете какое-то время: окон нет, вход один, это рация – что понадобится, сообщите по ней. Баб и разносолов не будет, по крайней мере, пока, а там посмотрим. Борзеть с заказами не советую, меня охранять вас поставили, а не нянчиться, так что могу и в рыло, если потребуется. Задача моя – вас сохранить живыми, а про поддержание целостности организмов приказа не было, это понятно? Контакт только со мной и с Хилым, его позже представлю. Кроме нас двоих ближе пяти метров к вам никому приближаться не позволено, так что если полезет кто – валите смело.

– Чем валить, дубиной по башке?

– Держи «макаров» и запасной магазин и не вздумай в меня палить, я этого не люблю. В общем, если что – стреляй, не задумываясь, лучше в голову, внизу броник у него может быть. И слово запомните: «не стоит»; если меня возьмут под контроль, поймете по нему, что это случилось, тогда валите и меня. Вопросов нет? Остальное по ходу дела прояснится.

– Может, икры закажем и ананасов?

– Икра, если ее тебе в жопу станут засовывать, еще ничего, а вот с ананасом могут быть проблемы. Для жопы. Так что лучше водки и огурцов, так оно спокойнее будет. Ну, и шашлык; с шашлыком, наверное, здесь не так сложно.

* * *

Жрали, спали, отдыхали, на третий день это стало надо-

едать. Оказывается, сидеть в безопасности и ни хрена не делать – не так уж и легко. Попросили карты у охраны – помогло, но ненадолго. Я не большой любитель в картишки резаться, а Жук вообще в первый раз в руки взял. Оставалось бухать до слюней изо рта и валяться на кровати. Благо, Жука похмелье не мучило по причине особенностей организма иммунных, а я вообще привычный, да и водка хорошего качества. Бес на следующий день привел сменщика своего, зовут Хилый, внешне сильно отличаются: этот здоровенный бугай и, судя по имевшему место разговору, умом не обижен. Бес сообщил, что скоро переезжаем, куда и когда, точно не сказал, все шифруются стронги, игру свою ведут.

Глава 5

Похищение

Среди ночи нас разбудили громкие звуки снаружи. Несколько раз бухнули разрывы, слышались многочисленные автоматные и пулеметные очереди. Судя по интенсивности стрельбы, бой там шел нешуточный, доигрались стронги. Тут предполагать долго не требуется, понятно, что по наши души муры пожаловали или даже сами внешники – эх, не своего уровня оппонентов выбрал себе Князь. Звуки стрельбы слышатся уже на лестнице, садят длинными очередями, патронов не жалеют. У Жука «макар» в руке, держит дверь под прицелом, та распахнулась, Бес на пороге, в полной выкладке и с автоматом.

– Не стрелять! За мной быстро! Наверх на крышу бегом, сейчас «вертушка» подлетит, нас заберут.

На площадке у двери двое с пулеметом залегли, поливают пространство внизу, нас прикрывают.

– Граната!

Бес ужом изогнулся, успел поймать подарок и вернул отправителю. Внизу грохнуло, стрельба на несколько секунд прекратилась. Бес потащил нас к чердачной лестнице, прикрывая сзади собой. Позади опять застучал пулемет, теперь уже короткими, по три патрона, очередями. Дверь заперта на

простую защелку; открыли, выбрались на плоскую крышу. Бес тут же проскочил вперед и опустился на колени, выставив оружие перед собой.

– Сидите тихо, ждем вертушку.

– Они же ее завалят в пять секунд.

– С вами не завалят, Бомж им живой нужен, главное – чтобы сюда долетела.

Выстрелов никто не услышал, но Бес вдруг вздрогнул и стал медленно заваливаться набок, а Жука, сидевшего чуть позади, обдало брызгами крови и мозгов из его простреленной головы. В середине крыши прямо из воздуха материализовались четыре фигуры, облаченные в снаряжение, как из фантастического фильма. Жук выхватил пистолет и успел даже пару раз выстрелить в быстро приближавшихся «космодесантников», правда, безрезультатно: тот, в кого попал, лишь на мгновение замедлился, но не остановился. Жить Жуку оставалось несколько секунд. Как только те убедятся, что я вне зоны поражения, его завалят, как и Беса – лишний балласт им совсем ни к чему. У Беса на разгрузке гранаты были, это Бомж запомнил, потому было у него время снять одну и выдернуть кольцо. Зажал спусковой рычаг в кулаке и поднял гранату над головой, как уже однажды делал, тогда сработало.

– Забирайте нас обоих, живыми, или я всех повзрываю!

Парни соображали быстро и русским явно владели, кивнули утвердительно, двое из них Жука подхватили под локти

и потащили за собой, а один из оставшихся медленно протянул руку в перчатке, зажал мое запястье и, отобрав гранату, сразу же отшвырнул ее за срез крыши. Там бухнуло, впрочем, в звучащем там тарараме лишний взрыв не слишком выделился. Бомжа подхватили, так же как и Жука, потащили вслед за ушедшими вперед, только вот куда непонятно. Их, кстати, видно уже не было, словно испарились. Все понятно стало, когда добрались до середины крыши и вошли как бы под купол невидимости – очередное чудо Стикса? Тут стоял футуристический агрегат, похожий на небольшой звездолет из тех же фильмов. Жук и сопровождающие его лица уже скрылись внутри транспортного средства, поднявшись по небольшому трапу, сейчас настала и их очередь. «Звездолет», так и оставаясь невидимым, мягко и беззвучно поднялся, заложил вираж и быстро полетел прочь, немного разминувшись с подлетающим вертолетом. Жука, находящегося в бессознательном состоянии, уже успели привязать ремнями к боковому лежаку, в шею Бомжа ткнулся иньектор, укол и сознание стало стремительно меркнуть.

* * *

– Объект приходит в себя. Константинус приказал незамедлительно сообщить ему сразу же, как только это произойдет.

– Уже вызываю.

Зрение восстановилось пока что не в полную силу, поставляя мозгу лишь размытую картинку окружавшей меня обстановки. Уши слышали звуки смутно, словно туда напихали по куску ваты. Похоже, химией какой-то напичкали. Из того, что сумел разглядеть сквозь визуальный туман – помещение похоже на больничку или скорее лабораторию, судя по количеству стоящей повсюду аппаратуры. Жук помню, рассказывал, что таких, как мы, внешники тут же пускают на органы, но я вроде пока что целый, руки-ноги на месте, живот похоже не разрезали, так что надеюсь, почки еще при мне.

Появился еще один персонаж вдобавок к тем трем, что уже присутствовали. Этот, правда, в белый балахон одет, а те в сиреневых, так что, похоже, начальство какое важное прибыло. Вряд ли теперь меня в ближайшее время станут потрошить, начальству такие зрелища без интереса, они предпочитают поболтать. Все люди одинаковы и внешники тоже, какие бы они там не были технологично продвинутые, все мы обыкновенные люди. Точно, подошел к моей лежанке, кресло подкатил под жопу, явно собирается беседы вести, а не скальпелем махать, это обнадеживает. Опустил шторку, какую-то хитрую, прозрачную, помещение видно, а все внешние звуки тут же пропали.

Глава 6

Институт

– Я хочу поговорить с тобой парень. Можно я буду тебя называть просто парень, эти ваши уголовные клички мне как интеллигентному человеку сильно претят.

– Мне рассказывали, что вы людей живых на части режете для изготовления лекарств своих, живодеры вы, а не интеллигенты!

– А, так ты думаешь, что попал к так называемым «внешникам»? Они действительно занимаются подобными вещами, я очень сильно это не одобряю, но это их дело и нас, в общем-то, не касается.

– И кто вы тогда, если не внешники?

– А рассказывали тебе про такую организацию как «Институт»?

– Что-то вроде слышал.

– Давай я тебе расскажу все по порядку, ты просто слушай, а вопросы свои оставь напоследок, хорошо? Организацию «Институт» создали в далеком прошлом довольно-таки умные люди; один из них был профессором социологии, а не какой-то другой точной науки, не технарь, одним словом, второй – биохимик. Попав в Стикс, они сумели выжить и, когда первые потрясения прошли, поняли, что для суще-

ствования в этих сложных условиях людям просто необходимы знания об этом странном мире. Первые шаги, естественно, оказались очень не простыми: были удачи и совсем наоборот; но как вода постепенно точит мешающий ее свободному течению камень, так и они вместе со своими единомышленниками создали то, что сейчас известно как «Институт». Сейчас их уже нет: у одного была болезнь, которую даже Стикс не смог вылечить, второй оказался в ненужном месте в ненужное время. Однако дело их не умерло, а продолжает жить и развиваться. Мы стараемся понять, что же это за феномен такой – Стикс, кто его создал и для чего. Надо честно признаться, что особых подвижек в раскрытии всех особенностей этого мира мы пока не достигли, хотя и собрали о нем огромное множество интересной информации».

Часть первая. Отцы-основатели. Расстрел

– Выходим по одному, морды вниз, по сторонам не смотреть! Ногами шевелим, не ссыте. Недолго вам осталось небо коптить, интеллигенты сраные. По мне так вы все – контра недобитая, буржуи недорезанные, профессора разные, все кровь трудового народа долго сосали, ничего, сейчас мы это дело исправим. Семенченко, глядеть в оба! Туман спереди плотный натягивает, как бы не разбежалась контра по кустам. Взвод, штыки примкнуть! Если начнут дергаться – колите на хрен уродов.

Внезапно сгустившийся неподалеку плотный туман явно настораживал командира расстрельного взвода. На рассвете в здешних местах такое явление не редкость: утренние, осенние заморозки частенько вызывают белую мглу; но сегодняшний был не обычный, странный он был какой-то. Командир прошел горнило Гражданской войны в полном объеме, да и на Германской побывать пришлось, так что чутье на опасность у него имелось. Потянуло кислятиной, похожей на тот газ, который немцы пускали на русские окопы, такой же был белый дым и запах имел противный. Успел тогда хапнуть, пока противогаз натягивал, чуть потом легкие не выкашлял, еле отошел. Войны-то вроде нет, откуда газы? И противогазов у них не имеется, не положено; спина похолодела и покрылась испариной, но паники не было, мозг лихорадочно искал выход. Остальные не понимали опасности происходящего: солдатики недавнего призыва, что в боевых действиях не участвовали, они и стреляли-то только на стрельбище, ну и конечно расстреливали приговоренных к смертной казни. Привыкли уже, а то раньше случались проблемы; пришлось даже парочку поставить рядом со смертниками и дать залп поверх голов, чтобы дошла революционная необходимость до самой печенки у слюнтяев. На заключенных плевать, им и так жить осталось полчаса, только чтобы до косогора дойти, а у него и бойцов его дел впереди еще невпроворот. Мировая революция скоро грядет, люди преданные партии очень нужны, чтобы гидру капиталисти-

ческую окончательно задушить по всему миру. Может кончить буржуев прямо здесь и скомандовать бегом, прочь от подозрительного тумана? Потом правда придется тела перетаскивать за километр, подвод-то у завхоза не допросишься, а носилками их по одному таскать замучаешься.

Откуда здесь газ? Тайга ведь вокруг непролазная, узкоколейка, по которой заключенных и грузы подвозят, да лагерь. Сибирь бескрайняя. У них и побегов-то не бывает. Куда бежать? На тысячу верст – тайга, зимой – снег да мороз, летом – болота, комарье, да зверье разное. Бежать тут бесполезно.

Туман уже плотно окружил отряд со всех сторон, бежать от него теперь бессмысленно, в горле совсем не першит, может и пронесет. Пожалуй, зря он мандражирует, вроде как обычный туман, только кислятиной сильно пахнет.

– А ну, гады, сели все на землю, морды вниз! Замерли, кто шевельнется – приколем штыками. Взвод! Портянки запасные намочить водой из фляжек и на морду, дышать через них.

Сам присел на кочку, одной рукой прижимая к лицу мокрую тряпку, другой сжимая «наган». По-хорошему надо бы и глаза прикрыть, газ – он такой, выест, тут же ослепнешь, но нужно следить за заключенными, те уже поняли, что последний парад для них наступает, могут кинуться, терять-то им теперь больше нечего. Вроде не щиплет глаза, может газ другой, на глаза не действует. Минут двадцать просидели в облаках газа-тумана, смертники не дергались, никто не кашлял и

не чихал, а у них тряпок не было рожи свои прикрыть, вдыхали полной грудью заразу – и ничего, ни один не сдох. Туман вдруг быстро рассеялся, как и не было его; командир построил людей, похоже ничего с ними не случилось, все как обычно. Случай странный; конечно, командир это нутром чуял, но это не повод возвращаться, двинулись вперед, как ни в чем не бывало. До отведенного места расстрела топать еще полчаса и так времени много потеряли, должны уже были назад возвращаться.

– Ускорить шаг!

Солдаты, конечно, могли идти и быстрее, но зеки после нескольких месяцев на здешнем «курорте» еле ноги передвигали, даже пинки и тычки прикладами не могли заставить их ускориться. Пришлось послать солдатика в лагерь, сообщить о происшествии и связанной с этим задержкой. Иначе начальник лагеря выслал бы отряд для выяснения, а потом прогрыз бы ему всю плешь за то, что не доложил. Посыльный убежал, придерживая болтавшуюся за спиной винтовку, остальные продолжили движение.

Подшли к краю глубокого оврага, высота тут метров двадцать, внизу озерцо приличное набралось от стекавших туда грунтовых и дождевых вод. Выстроили смертников в ряд у кромки, те обреченно опутив головы, топтались на месте.

– Именем революции... За контрреволюционные выступления и саботаж... Взвод готовсь, пли!

Залп смел людей, сбросив тела вниз, впрочем, не всех:

не хватило пули из винтовки посыльного, отправленного в лагерь. Один из расстреливаемых, раненый лишь в руку, упал на колени и истошно орал, зажимая рукой кровоточащее плечо; командир, на ходу вытаскивая «наган» из кобуры, подошел к нему. Вдруг за спиной послышалась нестройная винтовочная стрельба, крики и рычание. Командир резко обернулся и тут же вскинул «наган», увидев, что на солдат сзади неожиданно напали какие-то звери и рвали их на части. Кто-то пытался отбиваться штыком, некоторые лихорадочно передергивали затворы и стреляли, а кое-кто уже улепетывал со всех ног. Таких зверей командир раньше никогда не видел. В полтора человеческих роста с огромными зубастыми пальцами и длинными когтями на передних и задних конечностях, перевитых узловатыми мышцами. Пусть их было всего двое, но сразу было件нятно, что шансов у солдат против них не было. Винтовочные пули (те, что умудрились попасть в цель) вреда никакого чудовищам не принесли, как и штыковые удары. Махая наотмашь страшными лапами с когтями-кинжалами, монстры кромсали тела солдат на куски. Командир выпустил все шесть пуль. Без толку. Все закончилось за несколько минут; один зверь помчался догонять убежавших, а второй повертел головой и заметил стоящего поодаль командира, лихорадочно трясущимися руками набивавшего барабан «нагана» патронами. Зверь двинулся в его сторону. Командир швырнул в него бесполезное оружие и, теряя патроны на землю, бросился прочь. Повернувшись,

наткнулся на, по-прежнему стоящего на коленях, раненого зека, перелетел через него и покатился вниз по склону. Кувыркнулся до самого низа. Там влетел в воду, подняв кучу брызг, и тут же, не обращая внимания на холод, отчаянно махая руками, поплыл к противоположному берегу, пытаясь отталкиваться ногами от вязкого дна.

Раненый так и остался стоять в той же позе, скованный страхом. Монстр, проводив взглядом ускользнувшую добычу, перевел взгляд на него. Зек не шевелился, смирившись с неминуемой смертью еще до начала нападения зверей, он впал в прострацию и совсем не обращал внимания на то, что творится вокруг него. Монстр повернулся и пошел к валявшимся на земле телам солдат, где начал их методично поедать. Вернулся второй с перепачканной кровью мордой и присоединился к собрату. Появились еще трое монстров, поменьше первых двух, встали в сторонке, не решаясь приблизиться к пирующим гигантам. Внезапно один из мелких схватил зубами валявшееся в стороне одно из тел и потащил в сторону. Гиганты не обратили внимания на воришку, пищи было более чем достаточно, не было смысла отвлекаться от еды и прогонять мелких наглецов. Постепенно раненый приходил в себя и начал осознавать происходившее. Монстров пока что его тело не интересовало, вот когда мясо закончится и им потребуется еще, тогда дойдет очередь и до него. Зек в отчаянии посмотрел назад, туда, где командир уже подплывал к дальнему берегу, скинув по дороге мешавшую ему ко-

жаную куртку и сапоги. Медленно, стараясь не привлечь внимание и не обращая внимания на раненую руку, которая, впрочем, уже не сильно беспокоила – пуля лишь чиркнула по плечу, разорвав мышцу, но не задела кость, – зек лег на живот и, пятясь задом, сполз за край. Съехал на пузе по земляному склону до самой кромки воды, а там, перебравшись через лежавшие тела расстрелянных, вошел в воду и побрел по горло в воде вслед за командиром.

Пока старшие братья насыщались, мелочь кружила вокруг на безопасном, по их мнению, расстоянии, в конце концов, один из них заметил внизу целый пиршественный стол. Ушедшего вдаль зека они тоже заметили, но гнаться за ним не стали. Вода не самая дружественная для них среда, учитывая полное отсутствие способностей к плаванию, а оббегать карьер по берегу, когда прямо тут лежит столько вкусного свежего мяса, не имело смысла.

– А ну стоять! Ко мне быстро, шевелись зараза!

Окончательно измучившийся и потерявший последние силы зек выполз на берег и упал на песок. Мочи нет подняться, да и намокший ватник тянет вниз пудовым весом. Коекак пополз в ту сторону, откуда слышалась команда. Таежные заросли подходили почти вплотную к водоему и деревья там росли плотной стеной. За одним из них затаился командир.

– Давай быстрее, заметят!

Зек все-таки смог из последних сил преодолеть оставши-

еся до укрытия метры и скрыться за кромкой леса. Окончательно обессилев, упал там на спину.

– Ботинки снимай! Идти надо, а я сапоги потерял в этой луже.

– Нет.

– Что ты сказал? Да я тебя сейчас!

– Испугал. Что вы сейчас? Застрелите? На шум сразу же эти твари прибегут, давайте, стреляйте.

Командир задумался. Действительно шуметь не стоило, да и все равно стрелять не из чего, «наган» остался там, возле пирующих зверей.

– Да и не подойдут вам мои ботинки, размер у меня маленький, на вашу ногу не налезут. Идите лучше, сапоги доставайте, там не глубоко.

– Нашел дурака, ты как со мной вообще разговариваешь контра, совсем страх потерял?

– В свете произошедшего нам не собачиться нужно, а уходить отсюда и побыстрее. Вдвоем это будет сделать легче. И насчет контры – вы зря, ничего плохого я вашей революции не делал. Не поддерживаю то, что происходит сейчас в стране – это верно, но это мое личное мнение и я держу его при себе. Так что держите себя в руках и лучше придумайте, как уходить будем, у меня никакого опыта в подобных делах, а вы, скорее всего, воевали?

– На Германской побывал и Гражданскую почитай всю прошел, два ранения имею. Тут ты пожалуй прав, контрик,

уходить надо, а то эти тварюги скоро доедут и за нас примутся. Только вот как без сапог-то?

– Почва здесь мягкая, лесная, ноги тряпками какими можно обмотать, тогда сможете дойти, тут километра три всего. Портянки хоть сохранили?

– Уплыли, вместе с сапогами. Только не три километра нам придется топтать, это по прямой три, а в обход – все десять будет.

– Что ж делать, придется пройти и десять, господин комиссар.

– Какой я тебе «господин»?

– Ну, не товарищ, это точно, вы же людей убиваете, – в большинстве своем невинных.

– Это не тебе решать, кто виновен, а кто нет, – суд разобрался и постановил.

– И суд ваш такой же, как и все остальное. Ладно, спорить не будем, ни времени, ни желания нет.

Командир, при всем прочем, не зря вшей кормил в окопах и с беляками сражался на всех фронтах, опыта разного поднакопил за эти годы немало. Нашелся у него и ножик складной и моток бечевки. С молчаливого согласия зека отрезал рукава у его ватника и как сумел, примотал к ступням ног. Надолго не хватит, но им хотя бы километра два отойти от этого места, затеряться в тайге, там что-нибудь придумают.

Самодельные обмотки держались плохо, приходилось часто останавливаться и перематывать. Зек с тревогой прислу-

шивался к шуму тайги вокруг, но пока что ничего подозрительного не услышал. Когда уже сильно потрепанная обмотка в очередной раз слетела с ноги командира, решил, что уже хватит, пора передохнуть, прошли достаточно. Присели, одежда уже успела высохнуть при ходьбе, кроме ватника, тот был слишком толстый и пропитался основательно, да и в ботинках еще слегка хлюпало.

– Полчаса отдохнем и дальше, до темноты надо успеть, ночью похолодает, замерзнем.

– Костер разожжем.

– Нельзя костер, звери дым сразу почуют.

– В яме разожжем и сухими дровами – не заметят.

– Огонь можно скрыть, но дым не спрячешь, у зверей нюх отличный.

– Что это за звери такие, ты же профессор, должен знать.

– Я профессор социологии, а не натуралист.

– Я твоих мудреных слов не понимаю, объясни человеческим языком.

– Я изучаю отношения между людьми, а в животном мире разбираюсь, постольку-поскольку, так что в зверях я не специалист. Вот Арсений Яковлевич, которого вы сегодня расстреляли, хорошо разбирался в животных, он бы точно сказал, кто это был. Я же могу только предположить, что это могли быть динозавры. Они, правда, вымерли все и очень давно, но здесь же реликтовая тайга, вдруг каким-то чудом смогли сохраниться и до наших дней. Из существующих сей-

час видов, подобные животные науке неизвестны, по крайней мере, мне точно.

– Доберемся до лагеря, организуем отряд и вычистим гадов. Против пулемета никакая зверюга не устоит.

– Я бы не был так уверен. Насколько я знаю, в пулеметах используется тот же патрон, что и в винтовках. Солдаты ваши стреляли в них и не по одному разу, что-то не очень им это помогло.

– Да просто запаниковали. Там обстрелянных, почитай, и не было ни одного. Свежий призыв, небось, вот и не попали ни разу. Хотя я точно попал, все шесть пуль, а ему хоть бы хны, может, ты и дело говоришь. Ничего, свяжемся с городом, пусть у них насчет этого дела голова болит; пока войска с пушками пришлют, за стенами отсидимся. Нам бы только до лагеря добраться побыстрее, на хрена я только сапоги скинул? Растерялся, признаюсь. На фронте так не боялся, как в этот раз.

– Можно спросить? У вас случайно еды никакой не имеется? Нас с утра не кормили.

– Найдется немного.

Как бывалый солдат, командир всегда имел с собой минимальный набор необходимого, мало ли что могло неожиданно случиться в его беспокойной жизни. Достал завернутые в промасленную бумагу два куска хлеба, слегка подмокшего, и ломоть сала размером с ладонь. Посмотрел на все это богатство оценивающим взглядом, располовинил ножиком сало и

протянул зеку, положив на хлеб. Не то чтобы он сильно заботился о его здоровье, но в сложившихся обстоятельствах он нужен был ему в работоспособном состоянии, а не валяющимся с ног от голодухи. Идти еще далеко, да по труднопроходимой тайге, причем без сапог, почитай босиком. Мало ли что может случиться, ногу можно подвернуть или еще какая напасть приключится. В одиночку не выберешься, а вдвоем можно. Естественно, если неприятность произойдет с зеком, он его на себе тащить не собирается, а вот если наоборот, то помощник ему очень пригодится.

– На, запей, только пару глотков, не больше, а то свалишься с непривычки.

– Это что, водка?

– Она самая, согреешься изнутри, да и я приму для профилактики. Босиком, считай, что иду, как бы не простудиться. Как зовут тебя, кстати, профессор?

– Сергей Николаевич Артюхов, в деле же все есть.

– Да разве вас всех упомнишь. А меня Николай Сергеевич, вот ведь совпадение какое. Значит, ты Серега будешь? Возраста мы примерно одного, ты с какого года?

– Тысяча восемьсот девяносто третьего.

– А я девяносто пятого. Ты, выходит, на два года постарше, а уже целый профессор. Мне вот некогда было науки постигать, с малых лет работаю. Потом забрали в армию, а там и война подоспела. На японскую я маловат еще был, а к германской – как раз поспел. Потом вашего брата-буржуя по-

рубать пришлось немало. Так что не было у меня времени учиться. Грамоту, правда, постиг, но это уже потом, на гражданке, на рабфаке, там и считать научился, но на этом все. Вот теперь вместо этого, как его – «образования» – придется врагов народа сторожить и в расход пускать. Что-то я разболтался, от нервов, наверное. Давай подымайся, двинули.

Полдень уже наступил. Солнце стало пригревать. Засиживаться дальше нельзя, топтать придется еще километров восемь, по самым скромным прикидкам. Прошли примерно половину этого расстояния, как командир внезапно замер.

– Тихо! Слышишь? Кажись стрельба. Со стороны лагеря, похоже, значит недалеко уже, только что там за стрельба такая непонятная?

– Можно предположить, что наши звери туда пожаловали, вот их и встречают. У вас, кстати, голова не болит? Мне вот пить очень хочется и подташнивает.

– Сало было свежее и несоленое.

– Нет, я не про это, это еще до приема пищи началось, только сейчас еще больше усилилось.

– Болит голова немного, но я привычный, на – глотни еще и все пройдет.

Они успели до дна опустошить фляжку командира, но жажда не отступала. Наткнулись на лесной ручеек, наполнили пустую флягу и пили, пока пузо чуть не треснуло. Немного полегчало, но не надолго. То, что это не простая жажда,

Сергей Николаевич догадывался, но валил все на возможную простуду. Дошли до опушки леса, дальше начинался открытый, вырубленный недавно участок, доходивший прямо до стен лагеря. Оттуда слышался непонятный шум, крики и отдельные выстрелы. Возвышавшиеся над лагерем охранные вышки пустовали. На ближайшей к ним торчал, задравшись в небо, ствол «максима», но самого охранника видно не было. Командир нахмурился, звуки из-за стены ему очень не нравились; нетрудно догадаться, что там творится что-то страшное, слишком ужасными были крики людей, явно принимавших там лютую смерть. И еще это непонятное рычание или скорее урчание, прежде им не слышанное и совсем не похожее на издаваемые обычными зверями звуки.

Часть вторая. Отцы-основатели. Лагерь

– На вышку нам надо забраться. Там пулемет, да и сверху видно будет, что там происходит. Через стену не перелезть, высоко и все проволокой опутано. Через ворота надо идти.

– А если заметят?

– Да вроде некому там замечать, никакого движения у проходной не видно. Пошли, другого пути все равно нет.

Крадучись, пригнувшись к земле, перебежали открытое пространство и прижались спинами к стене у самых ворот. Командир осторожно толкнул дверь на проходную. Естественно, заперто изнутри. Переместился к воротам – не под-

даются – вернулся.

– Подсади, помоги залезть на столб, попробую перебраться и открыть изнутри.

Единственный момент, когда отсутствие сапог на ногах оказалось полезным: босые ноги по деревянному столбу не сильно скользили, командир, кряхтя от натуги, сумел вскарабкаться наверх. Медленно высунул голову, осмотрелся и перевалил тело через ворота, оказавшись внутри лагеря. Минут пять возился в караульной комнате, затем дверь отворилась, пропуская Сергея Николаевича внутрь. Командир был уже в чьих-то сапогах и с трофейной винтовкой в руках.

– Если желудок слабый, внутрь караулки лучше не заглядывай. Я-то привычный и то чуть не вывернуло. Страшные дела здесь творятся, я тебе скажу. Я уже глянул через окошко, ужас там просто, сам щас убедишься. Возле ближней вышки парочка гадов ошивается, нужно их успокоить и тихо, а то остальные всполошатся, тогда нам точно хана.

– Что там происходит, в общих чертах?

– Помешались там все, похоже, жрут друг друга, как звери дикие. Здесь жди, не шуми только. Держи сидор, я набрал чего смог на скорую руку; как увидишь, что я полез наверх, тут же беги следом и лезь за мной. Не зевай только, иначе сожрут.

Командир взял винтовку с примкнутым штыком наизготовку и шагнул за дверь, оставив Сергея наблюдать через узкое окно, вырезанное в двери. Две фигуры, одетые в красно-

армейские шинели, топтались на одном месте возле вышки, стоя спиной к воротам и потому не видели бегущего к ним командира. Не выглядели эти двое бывших солдат обычными людьми, да и были они уже не людьми, а кем-то другим, пока непонятным. Командир на бегу бросил взгляд на внутреннюю площадь лагеря, обнаружив там множество похожих на этих двоих и не виданных им ранее существ, так их наверно теперь нужно называть. У большинства лица и особенно рот перепачканы в крови и чья это кровь, догадаться не трудно – повсюду валялись обглоданные до костей тела. Некоторые в такой же красноармейской форме, а многие и в зековской рванине, но участь их постигла одинаковая – сожрали их, и именно те, что сейчас стоят и раскачиваются в различных местах внутри лагеря. Живых здесь уже не осталось, кроме него и того зека, что с ним пришел.

Командир подбежал, стараясь при этом не топтать, и с разбегу вонзил штык под углом снизу вверх в основание черепа стоящему слева «красноармейцу». Трехгранный штык легко пробил череп и, не застряв, выскочил наружу. Второй свихнувшийся услышал шум и успел повернуться. Вторым ударом командир воткнул тому штык в грудь, но, к его удивлению, это не слишком огорчило бывшего солдата. Свихнувшийся попер на командира, растопырив пальцы на кистях вытянутых вперед рук и не обращая внимания на торчащий в груди острый предмет. Пришлось отпрыгнуть назад, одновременно выдергивая штык. Людоед недовольно заурчал.

Среди стоящих поблизости его собратьев тут же началась движуха в их направлении. Стальной набалдашник приклада сбоку врезался в висок бывшему солдату, прям как на учениях по штыковому бою, голова благополучно проломилась. Тот свалился наземь и, дернувшись пару раз, затих.

Не теряя времени, командир закинул винтовку за спину и бросился к лестнице, ведущей на вышку, сходу начав быстро карабкаться наверх. Успел ли зек выскочить из караулки и лезть за ним сзади, он не видел – все внимание направлено вверх. Только бы успеть, только бы подоспевшие свихнувшиеся не схватили его за развевающиеся полы шинели и не стянули вниз. Деревянная лестница дополнительно завибрировала, кто-то лез следом, командир на долю секунды бросил взгляд через плечо – зек с мешком за плечами лихорадочно перебирал руками и ногами, а у лестницы уже стояли первые из подоспевших людоедов и тянули к нему жадные ручищи. Командир забрался на площадку и сразу кинулся к пулемету – лента не вставлена, откинул крышку стальной коробки, выхватил ленту из короба и стал лихорадочно заправлять в пулемет.

– Не надо стрелять!

– Что!?

– Они сюда не смогут залезть, а выстрелы привлекут других, тех больших, что у оврага были.

Часть лестницы с пятью ступенями на самом верху была сделана так, чтобы ее можно было поднять вверх и не

допустить несанкционированного доступа на площадку, хотя, судя по поведению свихнувшихся внизу, это бы и не потребовалось. Похоже, мозги у них совсем перестали работать. Иначе как объяснить, что те бестолково топтались возле лестницы, злобно урчали при этом, не делая ни малейших попыток подняться. Командир передернул затвор, приведя пулемет в готовность для немедленной стрельбы, и опустился на пол, усевшись там, опираясь спиной на сшитые гвоздями доски.

– Верно говоришь, стрелять не стоит. По-тихому надо валить гадов. Я вроде старался не шуметь и то заметили; слух у них видно как у собаки; ну точно в зверей превратились. Как так можно а, профессор?

– Понятия не имею, может эпидемия какая случилась или вирус просочился из древнего могильника. Такое вполне могло произойти, если уж здесь динозавры объявились. Могу только предполагать, естественно. Слишком мало информации у меня пока что. Что делать дальше будем?

– Дальше предлагаю поесть. Там, в сидоре глянь, я успел прихватить в караулке немного харчей. Знакомец там мой еще был, объединенный сильно, но я по «нагану» его узнал. Именно оружие, за храбрость получил. Прихватил с собой, патроны, правда, есть только в барабане, шесть штук всего; обойма в винтовке на пять патронов – вот и весь боезапас. К пулемету три ленты, но его с собой не потаскаешь, тяжелый зараза, только если отсюда бить. На других вышках ленты

тоже имеются, но туда хрен добежишь; видишь, какой внизу митинг собрался – не прорваться.

– Комиссар! Николай, смотрите туда!

Командир подскочил, как ужаленный, впился взглядом в том направлении, куда зек указывал и похолодел. К лагерю огромными прыжками неслись те две давешние зверюги, что сожрали его расстрельный взвод и зеков у оврага. Немного в отдалении виднелись твари поменьше, было их там пять или шесть – на таком расстоянии не разобрать. Командир бросился к пулемету, разворачивая его в сторону ворот. Твари были уже совсем рядом. Одна с ходу врезалась в створку ворот, круша дюймовые доски из лиственницы и разрывая проволочное ограждение. Ворвавшись внутрь, звери резко затормозили, вспарывая землю огромными когтями толстых лап, остановились, приплюсываясь и изучая обстановку. Передний поднял свою уродливую голову вверх, сразу же поняв, с какой-то важной целью у вышки собралась целая толпа свихнувшихся. Застучал пулемет. Одной длинной очередью, не останавливаясь, командир поливал свинцом самую большую зверюгу, стараясь попасть в наиболее, по его мнению, уязвимую часть – голову. Зверь тут же прикрыл передней конечностью свою башку, совсем по-человечески, защищая ее от жалящих кусочков металла. Пулемет не утихал, лапа твари не смогла полностью закрыть огромную голову: несколько пуль угодили в самое незащищенное место – в глаз – и разнесли там внутри все, рикошетируя от прочных сте-

нок черепа. Тварь грохнулась на землю, командир тут же перевел огонь на второго зверя, яростно вбивая свинец в тело зверюги, пока патроны в ленте не закончились. Командир потянул вторую ленту из коробки, явно не успевая перезарядить до начала атаки, но, к счастью, второй громадный зверь внезапно принял решение немедленно ретироваться. Наверное, судьба сородича так на него повлияла – они же считали себя полностью неуязвимыми, а тут такая неприятность. Тварь резко повернулась и такими же огромными прыжками понеслась назад к лесу, причем уходила зигзагами, что, несомненно, указывало на наличие у нее некоторых умственных способностей. Командир наконец-то вставил ленту и подтащил пулемет к самому краю вышки, опустив ствол вниз.

– Ленту держи! Смотри, чтобы не перекосило! Нам теперь скрываться не от кого, смотри, как улепетывает!

Пулемет застучал экономными короткими очередями, кроша головы и тела плотно столпившихся у основания вышки свихнувшихся. Когда лента закончилась, ствол пулемета так накалился, что вода в кожухе стала закипать. Стрельбу пришлось прекратить. Командир заправил последнюю пулеметную ленту, передернул затвор, подхватил винтовку и полез по ступенькам вниз.

– Смотри в оба и башкой крути во все стороны: если прибежит здоровенный – прикроешь. Там просто все: держишь за ручки, жмешь на гашетку. Остыть ему нужно; без особой нужды не стреляй, заметишь кого, крикни просто, я быстро

вернусь.

– Куда вы?

– Кое-что доделать требуется, я скоро.

Пока Сергей Николаевич исправно бдел, снизу слышались смачные удары штыка и более глухие – приклада, затем прозвучали выстрелы из «нагана». По лестнице застучали сапоги, командир поднялся, держа в запачканной кровью руке «наган», который тут же принялся набивать добытыми где-то патронами. Вместо шинели на нем была одета кожаная куртка, явно снятая с чужого плеча.

– Вот, разжился у Санька, друга бывшего, самолично башку ему прострелил, только не Санек это уже был, а зверь лютый. Что ж это творится профессор? Что с людьми сделалось? Ведь хорошие были товарищи, преданные нашему делу, а тут такое расстройство. А винтовке хана. По черепушкам пока охаживал живоглотов – переломилась, не выдержала. Крепкие у них черепушки и, похоже, боли совсем не чувствуют. Я ему штык в брюхо, а он винтовку схватил и тянет к себе, до меня, чтоб, сука, добраться. Я ему дырку во лбу высверлил из «нагана», только тогда утихомирился, зараза. Винтовку вытянул, а она на половину в крови и кишках, в руки брать противно. Выпить мне надо, хорошо выпить и забыть это все, хоть ненадолго. Башка еще трещит как с большого бодуна, ослаб я что-то, сил нет никаких. Сам-то как?

– Я тоже нехорошо себя чувствую, и чем дальше, тем хуже.

– Захворали мы с тобой Серега, чую, что захворали, как

бы тоже в такую тварь как эти не перекинуться. Ты, ежели чего такого в себе или во мне заметишь, говори сразу, не таись, а то после еще хуже будет. У меня сил, чтобы застрелиться хватит, а вот в тебе не уверен. Я тебе скажу – лучше плюю себе в башку, чем такое, согласен?

– Мы бы давно уже стали такими, как они. Наше недомогание другого рода, так что насчет превращения в людоедов можно не беспокоиться.

– Хорошо, ежели так. Надо бы осмотреться здесь получше. Стреляли же, значит, могут быть и другие выжившие. Очень надеюсь, что смог кто схорониться. Сейчас передохну немного и схожу. Ты оставайся здесь. Задача прежняя: наблюдать и, если что, – предупредить. Здоровый сбежал, но может и вернуться. Там за оградой еще паслись несколько зверюг, что помельче, так что расслабляться нам рано. Пулемет остывает вроде, водички подлить надо бы в кожух, там уже, поди, половина выкипела.

Часть третья. Отцы-основатели. Илко

Командир начал было уже спускаться, как вдруг замер и тут же запрыгнул назад, выхватывая «наган».

– Рюсский, не стрэляй, не надо, моя памагай пришел. Рюсский – великий воин, убил большого зверя. Никто не мог, а рюсский убил. У меня лекарство есть, вы болеть, я помогай. Нэ будешь стрэлять?

– Это кто? Ты кто там?

– Судя по произношению, это кто-то из малых народов, чукча или эвенк.

– Нэненцы мы. Шаман сказал: надо идти предупредить. Однако олень нет – зверь сожрал, всех сожрал, пешки шел, пешки долго, нэ успэл. Я памагай, нэ будешь стрэлять?

– Там, похоже, что живой человек, говорит, помочь пришел, я думаю, пусть выходит. Нынче все, кто живые – на нашей стороне. Может, действительно у него какое снадобье имеется, а то мне совсем худо уже.

– Да, башка так не трещала с самой лютой похмелюги. Эй, как там тебя? Забирайся сюда!

Абориген появился, вроде как из неоткуда, то ли в тени бревенчатой стены прятался, то ли еще как скрывался от их взора. В руке копье, наконечник там, похоже, вообще каменный, мешок за спиной из шкур сшитый, грубой работы. Полез наверх.

– Русский откуда знаешь?

– Цар присылал людей, ссыльный прозываются, учыл, мэня учыл, других учыл, хороший чэловэк был, помер только, давно помер. Вот бэри, пыть нада, не много, однако. Много пыть – болэть будэш.

– Что это за дрянь?

– Лэкарства, шаман дэлать, все пыть, нада.

– Ну что, профессор, поверим местному населению?

– Пусть сам глотнет.

– Эта можна, толко мала-мала, болэть не хочу, идти нада, далеко, сила нада многа.

– Куда идти-то?

– Здэсь плахое мэсто, звэрь придет, всех сожрет, зверь хитрый, сидит в лесу, ждет. Рюсский один убил, это хорошо, второй остался и еще малый звэр есть, тоже ждет, не уйдет. Придут вместе сожрут нас, идти нада.

– Так ты не сказал, куда идти. Там безопасно, что ли? Сюда скоро поезд придет, солдаты с пушками, по телеграфу в горком сообщили наверняка уже, подождем здесь. Пулеметы исправны, патронов достаточно, прокормиться найдем чем. Поищем живых, кто-то из них должен же еще остаться.

– Идти нада, быстро-быстро, расу мало, нет расу – все болеть. К шаману нада, он расу делать, люди не болеть.

– Что еще за расу такое?

– Вот, расу, пить нада, не много.

Ненец протянул командиру емкость, тоже вроде как из кожи сделанную, пахло от нее точно не фиалками. Тот взял, понюхал, поморщился и все же глотнул немного.

– Ну и отрава, твою мать, вы ее из оленьей мочи, что ли гоните?

– Нэт алень, савсем нэт, расу шаман делать, из чего нэ говорить. Лэкарство эта, башка балеть? Пить, однако, нада – чтоб башка савсем нэ болеть.

– Слушай, профессор, а ведь действительно отпускать стало, давай-ка тоже прими грамм пятьдесят, только выдохни

сперва и не нюхай, а то сблеванешь еще с непривычки, не дай Бог. Еще то зелье, но вроде действительно помогает. Слушай паря, ты стрелять умеешь из винтовки?

– Ружжо нельзя, совсем плохо, русские сказали нэненцам нельзя ружжо, наказать будут, копье есть, нож есть.

– Твоим копьем только ворон пугать. Я – русский, великий воин, я тебе говорю – винтовку можно, теперь можно. Нет царя больше, запреты прежние отменяются, теперь тебе можно оружие иметь, ты тоже вроде как трудовой элемент. Значит, из наших. Держи, да не тушуйся, привыкнешь быстро. Патронов пока не дам, пусть вместо копья твоего будет. Тут штык стальной, покрепче будет твоего каменного набалдашника. Вон профессор, хоть и буржуй, а ничего, пулемет освоил, не стрелял пока правда, но держится за него уверенно. Тебя как звать-то паря?

– Илко, звать. Копье зря ругаешь, Хорошее копье, наконецник из клыка зверя делать, лучше железа будет.

– Идем, Илко, осмотрим вместе территорию, а профессор нас прикроет; хотя нет, отбой, темно уже, с утра пойдем, как рассветет. И вот еще что: сейчас забираем барахло – все, что есть – и перебираемся на другую вышку. Там три ленты к пулемету должны быть, да отсюда захватим ту, что осталась.

Чтобы добраться до другой вышки, пришлось идти прямо по телам, густо усеявшим подножие их первого убежища. Занятие не из приятных. Сергей Николаевич старался не смотреть на разmozженные пулями черепные коробки, пони-

мая при этом, что только так можно было остановить свихнувшихся. Даже перебитый позвоночник не являлся для них смертельной травмой: свихнувшиеся продолжали ползти в сторону добычи, волоча за собой парализованные ноги. Но это уже в прошлом; в настоящее время живых свихнувшихся здесь уже не было, остались только мертвые тела. Когда проходили мимо убитого большого зверя, Илко остановился, достал нож и принялся копать в затылочной части его головы. Сергей Николаевич и Командир переглянулись понимающе – дикарь, прости Господи. Известное дело, чем только они не занимаются. Разворотивший затылок зверя Илко выскреб оттуда какую-то мерзость и сложил всю эту мерзость в кожаный мешочек на поясе. Заметив подозрительно уставившихся на него русских, принялся объясняться на ходу, как обычно сильно коверкая русские слова.

– Это нечаво. Шаман говорил нада брать и ему нести, сильно нужная вещь, однако. Ему очень нада, зачем не говорит.

– Ну, нада, значит нада, нам не жалко, главное, чтобы эти потроха вонять не начали. Завоняют – отберу и выкину подальше, усек?

– Моя понимай, нет вонять, хороший вещь, не пахнет совсем.

Залезли на соседнюю вышку, там все было так же, как и на прежней – никого нет наверху, зато стоит «максим» без защитного кожуха с тремя коробками пулеметных лент в ком-

плекте. Командир осмотрел пулемет, заправил ленту и приготовил оружие к стрельбе.

– Сейчас пожрем и на боковую, устал я что-то сегодня, с фронта так не уставал. Дай-ка нам еще глоточек твоего варева, басурман. Хорошая штука оказывается, хоть и дрянь редкостная на вкус. Значит так, я воевал в одиночку, устал. Паря, который Илко, долго шел, сюда добираясь, думаю, тоже устал, а ты профессор, как и все буржуи, сидел на жопе, так что тебе первому и дежурить. Чукча, тьфу, Илко, пусть спит, а меня через три часа разбудишь, смену. Вот держи часы мои, командирские, видишь написано – «за храбрость», сломаешь – пришибу, смотри не потеряй. И смотри в оба, луна сегодня полная, небо чистое, видно вокруг хорошо; смотри не засни на посту, пушу в расход немедля.

Командир, подложив сидор под голову, шинелькой прихваченной по дороге прикрылся и тут же захрапел, хорошо хоть негромко. Сергей Николаевич тоже не прочь был поспать, день выдался насыщенный; теперь, когда все затихло, он начал «плавать», глаза слипались, приходилось часто встряхивать головой, прогоняя сонливость, и крепче, до боли, сжимать ручки пулемета. Илко тоже прикорнул, но заметно было, что спит в полглаза и готов подорваться с первыми же признаками опасности. Луна действительно была нынче на загляденье: залитая сумрачным светом территория за стеной проглядывалась далеко, до самого леса. Вроде спокойно и тихо там было, но Сергею Николаевичу вдруг стало

что-то там мерещиться, вроде бы он заметил какое-то подозрительное движение прямо у самой опушки леса. Биноколь бы. Вглядывался пристально, до боли в глазах, наверно показалось, решил командира пока что не будить. От кромки леса до стены расстояние приличное, как бы быстро звери не бегали, он успеет заметить и разбудить остальных. По крайней мере, он так думал. Откуда появился брат-близнец убитого «динозавра», Сергей Николаевич так и не сумел заметить. Только что вокруг все было пусто и безжизненно и вдруг вот он, возник прямо перед воротами и несется прямо на вышку. К счастью, на покинутую уже ими вышку. Сергей Николаевич надавил на гашетку, стараясь поймать в прицел голову стремительно бегущего зверя. Тот передвигался огромными скачками, сделать это было практически невозможно. Пули с чмоканьем врезались в почву, поднимая фонтанчики земли, крошили в щепки деревянную обшивку стен, только в самого зверя, похоже, ни одна так и не попала. Внезапно Сергей Николаевич оказался отброшен в сторону сильным толчком.

– Проспал, сука! Убью!

Командир подхватил ручки пулемета и повел стволом, стреляя на упреждение. Зверь с разбегу врезался в вышку, ломая и с треском опрокидывая ее на землю. Притормозил. Это дало возможность командиру прицелиться получше. Пули застучали зверю в спину, заставив понять, что настоящие противники находятся совсем в другом месте. Развернулся и, зарывав, бросился к ним. Патронов командир не

жалел, с ужасом понимая, что лента не бесконечная и скоро закончится, а перезарядить он не успеет. Профессор, дубина, пол-ленты высадил в «молоко»! Пулемет зажевал последние патроны и замолк. Ну все, хана! Командир стал лихорадочно менять ленту, чувствуя, что все равно не успевает, но вдруг зверь заревел диким голосом и споткнулся. Завертелся на месте, присев на перебитую лапу – из мощной мышцы его левой нижней конечности торчало невесть откуда взявшееся копьё. Зверь покрутил головой, ища взглядом обидчика и принюхиваясь, старался определить, где тот находится. До вышки ему оставалось пробежать метров двадцать, не расстояние для пулеметного огня. «Максим» застучал, густо наспиговывая зверя пулями, считай, что бил в упор. Можно было даже не целиться – промахнуться было почти невозможно. Если корпус твари был практически непробиваем для пуль, то про опорные конечности такого сказать было нельзя, особенно о поврежденной левой. На ней и сосредоточил огонь командир, выбивая оттуда куски кровавой плоти и осколки костей. Конечность подломилась, увлекая зверя вниз. Он завалился набок, рыча и загребая почву второй когтистой лапой, оставляя на ней огромные борозды. А пулемет все бил и бил, теперь стараясь пробить костяную защиту головы, попасть в пасть или в глазные отверстия. Монстр вдруг дернулся и затих. Затих и пулемет. Командир с трудом разжал пальцы, намертво, до судороги, стиснувшие рукоятки пулемета. В углу возился оглушенный ударом о стен-

ку вышки профессор. Внизу у самой головы поверженного зверя стоял Илко, непонятным образом там очутившийся. Рывком дернул на себя древко копья, торчавшего из затылка зверя, и принялся чистить его наконечник зажатой в руке охапкой сушеного мха.

– Ну, ни хрена себе! Слышишь профессор? Илко Зверя завалил. Простым копьём угробил. Я две ленты расстрелял и толку – пшик, а этот копьём его. Слышишь профессор? Живой? Ты давай без обид, тогда не до политесов было, сильно я тебя? Заснул, что ли?

– Да, не спал я, хотелось очень, но не спал. Он вдруг так неожиданно появился, мистика какая-то. Пусто было в поле, никого, это я ясно видел, и вдруг он уже возле ворот.

– Хорошо, что мы ушли с той вышки. Он, видимо запомнил, откуда его брательника привалили, и решил поквитаться. Думал, мы по-прежнему там сидим. А вот хрен он угадал! Если бы сидели, он бы нас доедал сейчас. А этот, как он его копьём! Вот тебе и дикарь! Опять ковыряется в потрохах! Прямо как этот, как его?

– Некрофил?

– Некро... чего? Не знаю, тебе виднее, только мне кажется, привычка эта вредная и слово какое-то обидное. Илко, ползи сюда, ты водку пьешь?

– Коренных народов Севера не рекомендовано спаивать спиртными напитками, у них отсутствует к ним предрасположенность.

– Не знаю, кто там к чему расположен, но парень заслужил свои наркомовские сто грамм, даже двести заслужил, если не больше. А что до спирта, то я тебе вот что скажу: то пойло, что у него с собой, точно на спирту забодяжено, ты уж мне поверь. Не знаю, какие его шаман туда травы добавляет, но в основе там точно имеем спирт голимый.

Илко вместе со своим чудо-копьем забрался наверх.

– Ну, ты герой! Молодец, только мне вот что не понятно, как ты там оказался так быстро и при этом зверь тебя не заметил и подпустил так близко? Ты же здесь был, рядом с нами?

– Моя умей подкрадываться к зверь.

– Может твоя и «умей подкрадываться», только почему-то тебя при этом даже я не видел.

– Шаман говорит, у зверя большой гриб растет на голове. Хочешь если зверь убивать – бей в гриб копьем, стрелой, палка можно, там слабый место совсем.

– А чего ты там копошился, что искал?

– Гриб ломать, там хороший вещь добывать, шаман нести, однако нада.

– Ну-ка покажь, что ты там надыбал.

Илко достал мешочек свой, высыпал на ладонь добычу: какие-то, то ли ягоды сушеные, то ли орехи и немного больших крупинок желтого сахара. Командир взял одну продолговатую горошину покатал между пальцев, положил обратно.

– Это все у зверя в башке было?

– Гриб расти, тама внутри есть такой вещь, большой звер – много вещ, малый звер – мало вещ. Бывал совсем пустой гриб, нет ничего.

– Ладно, убери пока, отдашь своему шаману, когда встретишь.

– Вместе нада идти, здесь нельзя. Расу мало, однако, шаман только делать, нада идти или болеть будем.

– Мне кажется, Николай, он дело говорит, напиток этот убрал все симптомы болезни, но его действительно осталось немного.

– Так может он нас уже вылечил, а Илко?

– Нада расу пить немного, каждый раз пить или болеть будешь.

– Он говорит, что пить этот напиток требуется регулярно, но понемногу.

– Да понял я. Далеко племя твое сейчас?

– День идти, еще день идти, тогда прыйдешь.

– Это километров двадцать в лучшем случае, а то и все тридцать по тайге топать. Поезд сюда скоро подойдет, мне встретить его требуется, объяснить, что случилось.

– Когда он должен прибыть?

– Если телеграф работал, когда это все случилось, и успели послать телеграмму, то пока разберутся, пока согласуют и отправят – дня три-четыре, не меньше.

– До племени два дня добираться, два дня обратно, зна-

чит, успеем вернуться к приходу поезда, если он вообще придет.

– Это ты о чем?

– Вы заметили, гражданин начальник, что случилось с людьми? Это явно эпидемия, причем довольно необычная, по крайней мере, мне подобные случаи неизвестны. Заразились все кроме нас, но мы отсутствовали в лагере в момент заражения, это может как-то объяснить то, что мы до сих пор здоровы. Эти звери еще невероятные для здешних мест. И вероятно, что зараза не может распространяться воздушно-капельным путем.

– Каким путем?

– По воздуху, через дыхание. С остатками зараженных нам лучше не контактировать, я имею в виду голыми руками не трогать.

– Ага, это ты Илке расскажи, который, как я заметил, совсем не «контактировал» с ихними телами, только в башке немного покопался немытыми руками и все. Да и я, когда оружие добывал с провиантом, тоже кантовал трупы, а помнишь, сколько кровушки на меня пролилось, когда я им бошки прикладом крошил и штыком тыкал? Шинель даже пришлось сбросить, перед у ней весь кровью пропитался. Так что насчет «контактов» можно не беспокоиться, получается не заразные они, просто мозги совсем свихнулись.

– У всех одновременно?

– Это ты у нас профессор, я просто факт констатирую, хо-

рошее слово, мне сразу понравилось, на митинге одном запомнил. Только опять ты прав, похоже, надо идти. Затаримся у шамана зельем, вернемся и на дрезине рванем в районный центр, если наши не подспеют. Тут дрезина имеется, я говорил? Щас рассветет, осмотрим тут все, может, живых кого найдем или дуриков этих недобитых. Всех оставшихся надо до конца уничтожить, ежели кто остался, а то вдруг без нас товарищи придут и по незнанию глупо попасться могут.

Часть четвертая. Отцы-основатели. Вениамин Яковлевич

До самого рассвета никто уснуть уже не смог, даже бывалый командир, да и оставалось до восхода солнца часа два – не больше.

– Там еще эти, мелкие, должны бегать, старших ихних братьев мы общими усилиями завалили, так что если мелюзга эта не совсем умалишенная, то сюда не полезет. А ежели полезет, у меня винтовка, у Илки копье его смертоносное – справимся. Потому предлагаю идти всем разом и тебе тоже, профессор, – ноги разомни, а то отсидел уже, поди.

Большинство барачков и служебных помещений оказались пустыми, что и не удивительно: свихнувшиеся предпочитали мясо трескать снаружи, а не сидеть внутри и с голодухи пухнуть. Так что практически все кто был в лагере – и живые, и

не очень – оказались на улице и в настоящий момент уже не опасны. Все, да не все: в дальнем углу лагеря, в штрафбаре, все складывалось по-другому. Режим там был не в пример остальным, гораздо строже: входная дверь постоянно должна быть заперта изнутри, штрафников держали в клетке за решеткой, что их в итоге и спасло, хоть и не всех. Командир заглянул в забранное решеткой оконце, приложив ладони к глазам на манер шор от света.

– Вроде пусто, а в камере есть кто-то, лежит на полу, может живой?

– Дверь заперта.

– Засов там крепкий, подорвать бы, да гранат нет, здесь их иметь не положено. О, идея нарисовалась, в мастерской домкрат имеется винтовой, помню как шас; притащим, решетку с окна выдавим, а через него и внутрь попасть можно.

Тяжеленный домкрат привезли на тачке, найденной там же в мастерских. Лом еще прихватили и топор, да несколько стальных крючьев. О том, кого на эти крючья могли подвешивать, профессор старался не думать. Зацепили решетку, предварительно разбив стекло, стали отжимать. Первый раз крюк соскочил, перецепили и продолжили. Решетка выломилась не без труда – крепилась она к толстым деревянным бревнам. Ломом еще, вдобавок, поддели и тогда вытащили окончательно. Командир подтянулся, внутрь заглянул и, перевалившись через подоконник, помогая себе ногами, забрался внутрь. Сразу же загремел отодвигаемый засов,

дверь распахнулась. Командир показался в проеме и только открыл рот, чтобы что-то сказать, как резким рывком назад исчез внутри. Оттуда послышалось утробное рычание, раздались звуки борьбы и отборный мат. Дважды бабахнул выстрел и неожиданно командир вылетел наружу, только уже без куртки и фуражки, но с «наганом» в правой руке. Кувыркнулся через голову и попытался подняться с земли, но не успел. Из дверей за ним вывалилось нечто медведеобразное, как показалось в первый момент остальным. Вернее не остальным, а лишь Сергею Николаевичу. Аборигена рядом уже не было, его вообще нигде не было. По крайней мере, он его не видел. Напоминавшее медведя существо встало на задние лапы и бросилось на командира, не успевшего еще подняться. Но сделав лишь пару шагов, оно громко зарычало и, как бы налетев на невидимую преграду, остановилось, рухнуло на колени и стало заваливаться вперед, упав на живот и скребя передними лапами по земле. Из его спины торчал окровавленный наконечник копья. Командир, не растерявшись, подскочил к поверженному зверю сбоку и, вложив ствол «нагана» в некое подобие уха, дважды выстрелил. Зверь дернулся и затих окончательно. Командир посмотрел на торчащий наконечник, затем на Сергея Николаевича.

– Илко где?

– Там.

– Где там?

– Внизу, под ним.

Командир поморщился и, опустившись на колени, заглянул под тушу.

– Лом тащи, он его придавил, зараза, резче давай, профессор.

Перевернуть многокилограммовую тушу зверя оказалось не просто, даже при помощи лома. Пока Сергей Николаевич, бледнея и обильно исходя потом, держал лом, которым удалось немного приподнять тело «медведя», командир уже подсовывал туда притащенную им длинную толстую доску. Совместными усилиями, наконец, получилось отвалить тушу с лежащего под ней Илко, не подававшего уже признаков жизни. Получается, что он сделал все, как при охоте на медведя с рогатиной: упер копьё в землю и встретил зверя наконечником в грудь, который своим весом на него и нанизался; прием действенный, но рискованный. Рогатина способна остановить падение тяжелого тела, застревая в нем. Копьё же пробило тушу насквозь, удачно пройдя сквозь сердце зверя. Медведь, как и напоминавший его зверь, весит немало и способен опасно придавить охотника к земле своей тушей, нанося тому серьезные травмы.

– Нельзя его трогать, командир. У него может быть поврежден позвоночник, носилки нужны и переносить необходимо очень осторожно.

– Где я тебе возьму носилки?

– Медпункт здесь есть?

– Есть больничка, точно же есть, щас сбегая, ждите здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.